

ГЛАВА 5. УРОКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ¹

Четвертая сессия конференции, 12 октября

Последняя четвертая сессия конференции, посвященная обсуждению вопросов, связанных с уроками Карибского кризиса, началась после обеденного перерыва. Ее открыл председатель организационного комитета конференции Хосе Фернандес. Он не стал злоупотреблять вниманием делегатов и сразу предоставил слово первому выступающему. Им стала известный американский историк Дорис Гудвин, сосредоточившая свое внимание на важности изучения истории и извлечения уроков для современности.

Д. Гудвин начала свое выступление издали, затронув важную проблему глубины и объективности любого исторического исследования. Согласившись с мнением Фиделя Кастро о невозможности осознания событий кризиса октября 1962 года без рассмотрения тех событий, которые привели к этому кризису, она призвала смотреть еще глубже. По ее мнению, для осознания корней драматических событий ракетного кризиса необходимо объективно проанализировать события, приведшие к самой революции на Кубе.

Людам свойственно подходить к анализу событий современности с позиций имеющегося у них исторического опыта. Именно поэтому политическое руководство США, например, подходило к оценке войны во Вьетнаме с учетом опыта второй мировой войны. При этом забывалось или игнорировалось многое. «Никто не удосужился проанализировать, - отметила Дорис Гудвин, - что было общего между Гитлером и Хо Ши Мином и чем они отличались друг от друга, чем отличалась борьба стран поработанной фашистами Европы от борьбы маленького государства – Северного Вьетнама, готового сражаться до конца за свою независимость. Очень печально, что уроки прошлого не всегда учитываются в настоящем».

В подтверждение своей мысли американский историк сослалась на то, что в США внимательно изучаются причины просчетов и провалов американской разведки, приведшие к трагедии 11 сентября 2001 года. Их цель – дать рекомендации на будущее. Выступающая сравнила создавшуюся ситуацию с провалом американской разведки в Перл-Харборе в 1941 году, когда японский флот нанес серьезнейший урон тихоокеанскому флоту США, ввергнув страну в горнило второй мировой войны. Тогда имел место системный провал разведки – различные ведомства не делились стратегически важной информацией и не согласовывали свои действия друг с другом.

Если бы из событий Перл-Харбора были сделаны соответствующие и правильные выводы, подчеркнула Д. Гудвин, то США «были бы более подготовленными к событиям 11 сентября». В то же время, по ее мнению, опыт Карибского кризиса свидетельствует, что президент Дж. Кеннеди учел опыт и уроки неудавшегося вторжения в залив Свиней и в процессе принятия политических решений в октябре-ноябре 1962 года в меньшей степени полагался на данные военных и ЦРУ.

Другим позитивным примером того, что уроки истории учитываются в современности, по мнению Д. Гудвин, стала ситуация после 11 сентября. Немедленно после терактов в массовом сознании американцев появились настроения ненависти ко всем арабам, во многом сходные с отношением к гражданам японского происхождения в начале второй мировой войны. Тогда в отношении американцев японского происхождения было сделано немало ошибок и несправедливостей. В наше время тот печальный опыт был учтен, и антиарабские настроения среди населения США в целом контролировались.

¹ Данная глава приводится по рукописи книги, подготовленной к сдаче в издательство. В связи с этим возможны некоторые расхождения между данным материалом и опубликованным вариантом книги «Карибский кризис: сорок лет спустя».

«Сегодня мы находимся на грани войны с Ираком, - заключила Дорис Гудвин, - и я надеюсь, что администрация Дж. Буша знает обо всем этом, избежит ошибок и недоразумений, которые могут произойти вследствие недостатка информации, и не пойдет по ложным путям, способным вывести ситуацию из-под контроля»².

Вслед за выступлением американского историка слово было предоставлено деятелю, кто сам творил историю – советнику президента Дж. Кеннеди Артуру Шлесинджеру.

Ветеран американской политики привел слова своего бывшего шефа о том, что мир должен знать правду о Карибском кризисе. По словам А. Шлесинджера, эта правда состояла в том, что «с Советами нужно быть жесткими». Оценивая позицию Москвы в период ракетного кризиса, он подчеркнул два важных момента: во-первых, «безопасность СССР не была под угрозой», и, во-вторых, «у Советского Союза не было никаких доводов в пользу размещения своих ракет на Кубе». В Москве, как заявил Шлесинджер, понимали, что «совершили ошибку и что необходимо уйти с Кубы».

Проблема состояла в том, что и Москва, и Вашингтон сочли, что их интересы находятся под угрозой. США были уверены, что СССР не осмелится разместить ядерные ракеты на Кубе, как это они сами сделали в Европе, а Советский Союз считал, что Вашингтон готовится к тому, чтобы осуществить вторжение на Кубу. Другими словами, сделал вывод А. Шлесинджер, «обе стороны не владели реальной ситуацией». Ветеран американской политики напомнил один из афоризмов, которые так любил приводить президент Джон Кеннеди: «Никогда не закрывай дверь врагу с тем, чтобы он мог уйти, и чтобы ты это мог видеть». Тогда, осенью 1962 года, обе великие державы «оставили двери открытыми», что помогло избежать ядерного катаклизма.

На этой ноте Артур Шлесинджер перешел к современности: «Эпоха терроризма отличается от эпохи великого противостояния двух систем тем, что в ней мы боремся с безумцами, фанатиками, совершающими поступки, лишённые рационального смысла. Хотя, я думаю, с одним или несколькими безумцами правительству бороться все-таки легче, чем с другой державой...»

Сразу же после короткого выступления А. Шлесинджера ведущий дал слово специальному помощнику президента Кеннеди Тэду Соренсену, который отвечал за подготовку текстов речей своего босса. Безусловно, это был профессионал высокого класса, знающий многие детали что называется из первых рук. Готовя проекты выступлений и заявлений Джона Кеннеди, Т. Соренсен имел возможность постоянного общения с американским президентом, наблюдая за его поведением, реакцией на ту или иную информацию, изучая стиль его устных выступлений и печатных статей.

Выступающий коснулся нескольких вопросов, которые, по его мнению, имели важное значение для понимания сущности Карибского кризиса. Введение блокады Кубы с американской точки зрения было направлено не против Кубы, а в целях не допустить поступление советского наступательного оружия на остров. Эта блокада, называемая в США карантинном, не затрагивала, в частности, поставки на Кубу горюче-смазочных материалов, независимо от военного или мирного предназначения поставляемых ГСМ. Блокада не предполагала воспрепятствование поставок на Кубу грузов и товаров, критически важных и необходимых для поддержания жизнеспособности кубинского населения и экономики страны в целом. Об этом президент Джон Кеннеди четко и ясно заявил в своем выступлении вечером 22 октября 1962 года.

Далее Т. Соренсен пояснил собравшимся разницу между терминами «блокада» и «эмбарго», применяемыми в отношении Кубы. Эмбарго на торговлю с Кубой было наложено еще президентом Эйзенхауэром и продолжает действовать вплоть до настоящего времени. Генерал А. Грибков в своем выступлении задавал вопрос, почему это эмбарго действует до сих пор. Соренсен честно признался, что ответить однозначно на этот вопрос он не в силах. Главная причина, по его мнению, заключается в том влиянии,

² Война с Ираком началась на следующий после проведения конференции в Гаване год – в 2003 году.

которое вот уже 40 лет оказывают на американские правительство «испуганные кубинские контрреволюционеры», живущие в Майами. Это состояние отношений с Кубой «уже давно не отвечает национальным, а тем более экономическим интересам США, равно как и интересам их безопасности». Блокада Кубы была отменена в результате достижения компромисса между великими державами через 13 дней – 28 октября 1962 года.

Следующий аспект Карибского кризиса, на котором сосредоточил свое внимание Т. Соренсен, он назвал «вопросом о победе». И правительство США, и правительство СССР праздновало победу, сняв остроту кризиса. «Я ничего не могу сказать о реакции Советского Союза, - подчеркнул он, - но могу заверить всех собравшихся, что для описания реакции американского правительства было бы неверно применять слова «празднование» или «победа». На заключительном заседании так называемого Исполнительного комитета, проведенном вечером в воскресенье 28 октября, президент Кеннеди предупредил нас не ликовать и не говорить о великом достижении или победе».

Американский президент, как сказал в своем выступлении его бывший специальный помощник, отметил сдержанность послания советского лидера, а сам обмен посланиями руководителей двух держав позволил разрешить кризис мирным путем. Вместе с тем, по словам Кеннеди, «нельзя говорить о победе, так как разрешение конфликта не является победой в военном смысле этого слова».

Вместе с тем, отметил Соренсен, Куба в той ситуации вовсе не проиграла. Если бы обмен письмами и посланиями между Москвой и Вашингтоном не привел бы к разрешению кризиса, Куба могла бы стать главной жертвой. Она бы подверглась авиационным ударам, которые привели бы к большим жертвам, разрушению экономики и инфраструктуры страны. Вместо этого Куба получила определенные гарантии со стороны США об отказе от военного вторжения, которые Соренсен назвал «искренними».

И, наконец, Советский Союз, по утверждению американского выступающего, не был среди проигравших. «Я не считаю, что Хрущев капитулировал, - сказал Соренсен. – Я считаю, что он достиг своих главных целей: блокада Кубы закончилась, опасность своим кораблям была устранена, гарантии со стороны США не вторгаться на Кубу были достигнуты. Хрущев получил личные гарантии со стороны американского президента о том, что стратегические ракеты будут убраны с территории Турции и больше там не появятся. Я не считаю, что достижение таких целей можно назвать капитуляцией».

Одним из «камней преткновения» в ходе кризиса оказался вопрос о советских самолетах Ил-28. Москва согласилась убрать с Кубы свои баллистические ракеты, но Кеннеди настаивал и на том, чтобы были убраны и самолеты Ил-28. По мнению Соренсена, Кеннеди не знал характеристик этих советских машин и считал, что они способны нести наступательное вооружение. Именно поэтому в обмене письмами с Хрущевым американский президент настаивал на выводе не только ракет, но и всего наступательного оружия. В свою очередь он и давал обещание советскому лидеру не вторгаться на Кубу.

Джон Кеннеди знал, что на Кубе были размещены советские войска, он знал, что они имели на вооружении зенитные ракеты, которые являлись средством сдерживания и отражения возможного удара со стороны США. Поэтому, как подчеркнул Тэд Соренсен, «у него не было ни малейшего намерения начинать вторжение на Кубу». Более того, американский президент даже не ставил вопроса о выводе с Кубы советских войск и не требовал убрать советские зенитные ракеты.

Затем, отойдя непосредственно от темы Карибского кризиса, Т. Соренсен обратился с призывом быть крайне осторожными с анализом документов: «Я хотел бы предостеречь некоторых историков и всех присутствующих здесь от возможных фальсификаций. Кеннеди с нами больше нет. Он был яркой и противоречивой фигурой. Вот уже тридцать лет я опровергаю документы, которые якобы подписал Кеннеди. Эти документы – фикция, подделка. Два года назад я дал свое заключение на сенсационное письмо Кеннеди

Мерилин Монро. Это письмо, принесенное мне знаменитым писателем, должно было появиться в книге о Джоне Кеннеди. Подпись была очень умело подделана, что было доказано соответствующей экспертизой. Человек, подделавший подпись, найден и сейчас отбывает срок заключения в тюрьме». Тэд Соренсен поставил под сомнение и широко обсуждавшееся в ходе конференции в Гаване письмо Кеннеди Фиделю Кастро, которое предназначалось для передачи последнему через бразильское посольство. «Я часто составлял письма, которые Кеннеди посылал Хрущеву и другим лидерам, - отметил выступающий. - Однако никогда такие послания не передавались через Бразилию».

В заключительной части своего насыщенного фактами и мыслями выступления Т. Соренсен сделал несколько принципиальных и, можно сказать, даже смелых выводов:

«Во-первых, из-за неправильного толкования событий того времени мир находился на самом краю самой страшной катастрофы, которой не хотел ни Фидель Кастро, ни Никита Хрущев, ни, я вас уверяю, Джон Кеннеди. Война могла начаться по ошибке. И мы все, собравшиеся за этим столом, должны поздравить друг друга с тем, что этот напряженный кризис тогда был разрешен. Было бы очень хорошо, если бы мы в дальнейшем учитывали опыт прошлого лучшим образом.

Во-вторых, первая реакция Кеннеди на первом заседании так называемого Исполнительного комитета была такой же, как и в Комитете начальников штабов, а именно – превентивный удар необходим. Целями такого превентивного удара должны были стать позиционные районы советских баллистических ракет. Однако позднее, при более детальном изучении ситуации, Кеннеди пришел к выводу, что нанести точечный, «хирургический» удар в тех условиях было невозможно. Каждый президент, каждый лидер, который верит в эффективность превентивных ударов и не хочет обращаться к дипломатическим каналам решения проблем, должен обратить внимание на опыт Кеннеди.

В-третьих, Кеннеди поддерживал контакты с Хрущевым даже в самые трудные моменты кризиса. Не все политики имели мужество сохранять контакты с противостоящей стороной. Но Кеннеди не боялся обвинений в трусости представителями правого крыла, военными или кем бы то ни было еще. Он доказал свою храбрость во время второй мировой войны, когда служил в ВМС США. И он был готов выступить против любых обвинений, выдвинутых против него в те критические дни. Я надеюсь, что в будущем наши президенты будут такими же мужественными, каким был он.

И еще один момент. В каждом государстве существуют разведывательные службы. Как показал кризис, они могут играть как очень положительную, так и сугубо отрицательную роль. Например, ЦРУ сыграло положительную роль, раздобыв информацию о местонахождении советских ракет на Кубе и дав нам время подготовить ответный ход. Но разведка сыграла и отрицательную роль в операции «Мангуста», проведение которой убедило русских и кубинцев в неотвратимости американского вторжения. Эту двоякую роль разведки лидеры государств должны четко осознавать».

В целом, выступления американских участников конференции были взвешенными и достаточно глубокими. Обсуждая уроки Карибского кризиса, они так или иначе увязывали их с современностью, критически оценивая современную политику США на международной арене. Такая позиция, пусть даже высказанная на научной конференции, требует определенного гражданского мужества.

Наконец, слово для выступления было предоставлено российскому представителю, генералу А.И. Грибкову, который вызвался выразить российскую точку зрения на уроки Карибского кризиса.

- Товарищ президент, - начал Анатолий Иванович, обращаясь к кубинскому руководителю, - я не буду задавать Вам вопросов, поскольку считаю нетактичным допрашивать главу государства.

- Пожалуйста, задавайте любые вопросы, - молниеносно отреагировал Фидель Кастро. – Я готов ответить на все вопросы. Я готов выслушать все ваши сомнения, чтобы

разобраться до конца. Здесь, на нашей конференции, нет иерархии, все участники равны в своих правах. Именно так мы можем докопаться до истины.

Анатолий Иванович, несколько сбитый с толку пассажем Фиделя, быстро сориентировался и продолжил свое выступление как всегда четко и по-деловому, «забивая» слушателей конкретными фактами.

Прежде всего генерал А.И. Грибков подчеркнул, что ни одна советская ракета, развернутая тогда на Кубе, не была в заправленном состоянии. Он пояснил, что ракеты Р-12 и Р-14 были жидкостными и заправлялись агрессивным горючим: их невозможно было заправить, что называется, «впрок». Сразу после заправки они должны быть или применены, или уничтожены. Поэтому ситуация, когда ракета заправлена и длительно находится в режиме ожидания, невозможна технически. Поэтому сообщения американских экспертов, основанные на анализе аэрофотоснимков того времени, о том, что советские ракеты были готовы к запуску, не отвечает действительности.

Другое дело, уточнил А.И. Грибков, вопрос о тактическом ядерном оружии. Он прямо увязан с самолетами Ил-28. Шесть атомных бомб, имевшихся на Кубе, были предназначены для эскадрильи Ил-28, специальных носителей ядерного оружия. Отдельный полк морской авиации на самолетах Ил-28 был минно-торпедным. Его прямым предназначением была стрельба торпедами по морским целям и постановка морских мин, однако фронтовой бомбардировщик Ил-28 мог нести и атомную бомбу. Радиус действия самолета составлял 500 км.

Первоначально у руководства Министерства обороны и Генерального штаба была мысль оставить на Кубе на какое-то время тактическое ядерное оружие. Однако 20 ноября, когда был окончательно решен вопрос о выводе самолетов Ил-28, однозначно был решен и вопрос о вывозе всех тактических ядерных средств.

Карибский кризис высветил, по словам А.И. Грибкова, одну важную проблему во взаимоотношениях между СССР и Кубой. Несколько раз советское руководство за спиной Фиделя Кастро решало большие вопросы, затрагивавшие суверенитет возглавляемого им государства. «Когда необходимо было завезти на территорию Кубы наши ракеты, - отметил Анатолий Иванович, - к Фиделю была отправлена целая делегация во главе с Рашидовым и Бирюзовым. А вот когда надо было вывозить ракеты – никто с главой кубинского государства даже не посоветовался, хотя впоследствии Хрущев доказывал, что, мол, товарищ Фидель, мы тебя ставили в известность».

Другой раз, когда советское руководство проигнорировало необходимость консультаций с Фиделем Кастро, произошел во время визита последнего в СССР в 1963 году. В этом месте Анатолий Иванович сделал отступление, вспомнив некоторые забавные детали того исторического визита. Дело в том, что он по поручению Министра обороны маршала Р.Я. Малиновского непосредственно отвечал за подготовку визита кубинского лидера в Москву. Цель, поставленная Политбюро ЦК КПСС заключалась в том, чтобы найти наиболее безопасный вариант доставки Фиделя Кастро в СССР. Охота американских спецслужб за Фиделем была не пустым словом, и в Кремле серьезно опасались за жизнь вождя Кубинской революции во время промежуточной посадки самолета.

Генералу Грибкову была поставлена задача - на самолете Ту-114 совершить беспосадочный испытательный перелет на Кубу по кратчайшему маршруту, проходившему через север. Р.Я. Малиновский приказал ему взять с собой 8-10 генералов и офицеров, чтобы заодно проверить процесс передачи военной техники кубинской стороне. Полет, по словам А.И. Грибкова, длился 14,5 часов, однако и технические возможности машины, и запас топлива позволял успешно совершить такой рейс.

Полученные данные позволили успешно подготовить техническую сторону визита кубинского лидера в Москву. Итак, тем же самым северным маршрутом, но уже в противоположном направлении, с разрывом в несколько часов из Гаваны вылетели два

Ту-114. На первом самолете возвращалась домой группа А.И. Грибкова, а на втором - летел Фидель Кастро с членами своей делегации.

Первый авиалайнер благополучно долетел до московского аэропорта «Внуково», а вот со вторым вышел казус. Пилот усомнился в том, что ему хватит топлива до Москвы, особенно в условиях разыгравшейся непогоды, и принял решение сделать посадку в Мурманске.

Внимательно слушавший выступление российского участника Фидель Кастро в этом месте улыбнулся. Воспоминания о том небольшом приключении в ходе первой поездке в Советский Союз, похоже, вызвали у него теплые воспоминания. Упомянутый Грибковым эпизод, показанный по советскому телевидению, когда Фидель в Мурманске впервые в своей жизни брал в руки снег, вызвал у него бурный смех. Вслед за Фиделем и под его влиянием через какое-то время весь зал сотрясся смехом. А Анатолий Иванович, нимало не смущаясь, продолжал, обращаясь к кубинскому лидеру: «Вы сами видели, какая там тогда была погода. И это в апреле месяце! Летчику за тот полет присвоили звание Героя Советского Союза».

Этот факт еще более раззадорил участников конференции. Сам Фидель кивал головой и активно жестикулировал, изображая руками, как его самолет совершал посадку в Мурманске.

Через минуту смех стих, и Анатолий Иванович продолжил свое выступление: «Так вот, во время того исторического визита в Москву между СССР и Кубой было подписано соглашение о том, что после вывода с Кубы Группы советских войск там все же останется одна символическая часть – мотострелковая бригада. Проходит несколько лет. Вдруг американцы поднимают шумиху вокруг этой бригады, дескать, она угрожает Соединенным Штатам. Не согласуя свою позицию с Фиделем Кастро, наш тогдашний руководитель Л.И. Брежнев заявляет: «Нет у нас на Кубе никакой мотострелковой бригады. Там есть всего лишь учебный центр № 12». И Фидель Кастро узнает, что эту бригаду без всякого согласования с ним уже «переделали» в учебный центр.

Наконец, проходит еще 10 лет, у нас появляется новый вождь – М.С. Горбачев. Американцы опять подняли вопрос о советской бригаде на Кубе и Горбачев без согласования с Фиделем заявляет: «Да, у нас есть на Кубе мотострелковая бригада. Мы ее оттуда заберем». И вновь кубинский руководитель узнает об этих планах и намерениях советской стороны из сообщений печати».

Слушавший А.И. Грибкова Фидель Кастро, несмотря на серьезность затронутой темы, искренне смеялся. Случаев, когда советская сторона игнорировала или пренебрегала мнением кубинской стороны, было достаточно много, и эта проблема его всегда задевала. Но сейчас ему, похоже, было приятно, что российская делегация сама затронула эту тему и высказала свою позицию по ней. А Анатолий Иванович, как бы отмежевываясь от «некорректной» политики советского руководства в отношении Кубы, заверил Фиделя Кастро в искренней любви и уважении к нему со стороны всего российского народа.

«А теперь несколько слов об уроках Карибского кризиса, - завершил свое выступление А.И. Грибков. – Давайте посмотрим, как учтены те уроки современной американской администрацией. Да никак! Блокада Кубы как была, так и продолжается. Почему бы не сесть за стол переговоров президентам США и Кубы, не решить все вопросы по-соседски, да и жить спокойно. США ведь не только охотятся за Фиделем, они народу кубинскому жить спокойно не дают!»

А.И. Грибков эффектно, с большим пафосом завершил свое выступление. Ведущий последней сессии Питер Корнблу поблагодарил российского представителя, а затем с небрежной полуулыбкой на лице, ссылаясь на упомянутые в выступлении эпизоды истории, подвел шуточный итог: «Один из важнейших уроков Карибского кризиса заключается в том, что надо воздерживаться от полетов на советских самолетах и

вертолетах». Шутка была адресована, естественно, Фиделю Кастро. И надо было видеть реакцию кубинского лидера!

Он не принял шутку американского ведущего. П. Корнблу, пытаясь сгладить ситуацию, изменился в лице, начав пояснять свою шутку. Его улыбка стала жалкой.

«Советские самолеты – очень надежные машины. Я всегда высоко ценил их за это, хоть они и потребляют много топлива», - назидательно изрек Фидель. Затем вдруг его лицо осветилось зажигательной улыбкой: «Я продолжаю летать на Ил-62. Даже если мне подарят «Боинг», я все равно буду продолжать пользоваться моим Ил-62».

На этой шуточной ноте на конференции был объявлен короткий перерыв.

Размышления и воспоминания

А что, если бы ...

Сейчас, по прошествии более 40 лет, я часто задаюсь мысленно вопросом: а была ли возможна тогда, в октябре 1962 года, ядерная катастрофа. Действительно ли угроза ядерного Армагеддона была страшной реальностью? Могла ли история человечества если не прерваться в те трагические дни, то, по крайней мере, пойти по другому пути?

Кто даст исчерпывающие ответы на эти вопросы? Ставшая уже избитым штампом фраза о том, что «история не любит сослагательного наклонения», в который раз доказывает свою правоту.

И все же, что было бы, если бы политическое руководство США пошло на поводу у своих «ястребов» и приняло решение о военной акции против Кубы после обнаружения там советских баллистических ракет? Ответить на этот вопрос невозможно по вполне понятным причинам, однако поразмышлять на эту тему было бы интересно.

Итак, была бы это локальная война, ограниченная лишь территорией Кубы, или всеобщей, мировой войной?

Скорее всего, на начальном этапе это действительно была бы локальная война, которая мгновенно переросла бы в глобальное столкновение вооруженных сил СССР и США, Варшавского Договора и НАТО, прежде всего – на Европейском и Дальневосточном ТВД. Вряд ли стороны смогли бы воздержаться от применения ядерного оружия уже на начальной стадии войны. Ракеты Р-12, поставленные на боевое дежурство на Кубе, были бы запущены по объектам на территории США немедленно после начала военных действий. В свою очередь СССР подвергся бы ударам американских ракет «Юпитер», размещенных в Турции и странах Западной Европы. Стремясь упредить друг друга в нанесении первого ядерного удара, обе стороны вынуждены были бы в максимально короткие сроки запустить имевшиеся в их распоряжении стратегические наступательные вооружения: межконтинентальные баллистические ракеты, бомбардировщики и баллистические ракеты с подводных лодок. Напомним, кстати, что в то время ракетно-ядерный потенциал США значительно превосходил возможности СССР.

Даже с учетом ограниченного количества ядерных боеголовок и, что особенно важно, средств их доставки, ущерб, который СССР и США нанесли бы друг другу, был бы потрясающим. Страны были бы полностью парализованы и физически, и морально-психологически. Многомиллионные жертвы, громаднейшие районы оказались бы радиоактивно зараженными, огненные смерчи в городах и лесных массивах, паралич экономики, крах всей инфраструктуры, паника и хаос – вот что могло бы иметь место. А далее – экологические, планетарные изменения, феномен «ядерной зимы», деградация и вымирание человечества.

Таков был бы общий глобальный фон, следствия и последствия ядерной войны двух сверхдержав. Понимали ли стороны это? Думается, что да! По крайней мере, ход и исход Карибского кризиса при всей его драматичности свидетельствует о том, что здравый смысл все же присутствовал у политиков и в Москве, и в Вашингтоне.

Но нельзя забывать о том, что в мире тогда шла «холодная война». Две политические системы, два мира находились в состоянии глубочайшего недоверия друг другу. Вашингтон не доверял Москве, Кеннеди не верил Хрущеву, американцы не понимали русских, и – наоборот. Ни советская, ни американская стороны не учитывали национально-психологические особенности и менталитет противника. Кеннеди и Хрущев, каждый по-своему, находились в плену идеологических стереотипов «холодной войны», не могли понять мотивы поведения друг друга, учесть позицию своего оппонента. Сам тип их мышления и политического поведения был резко конфронтационный, бескомпромиссный, и преодолеть все это обеим сторонам было очень сложно.

«Ястребы» в Пентагоне и на вершине политического Олимпа в Вашингтоне считали, что Советский Союз настроен агрессивно, что война неизбежна. А коли так, то надо «упредить Советы» в нанесении удара. Именно поэтому вариант авиационной кампании считался ими первым и безусловно необходимым шагом на пути разрешения кризиса. Ядерный же вариант решения «кубинской проблемы» мог бы стать очень соблазнительным для некоторых деятелей в американской столице.

Недоверие Москве, граничащее с полным непониманием позиции СССР, выразил, в частности, госсекретарь Дин Раск, который вспоминал о тех днях: «Мы размышляли над ситуацией Хрущева: не может ли какой-нибудь советский генерал или член Политбюро приставить пистолет к хрущевской голове и сказать: господин председатель, запускайте эти ракеты или мы вам выпустим мозги наружу». Сам Раск не принадлежал к числу «ястребов», а его опасения выражали позиции умеренных деятелей в администрации президента Дж. Кеннеди. Если уж такие мысли рождались в сознании умеренных политиков, то что тогда говорить о «ястребах»!

Нельзя сбрасывать со счетов и такие причины возникновения ядерной войны, как нелепая случайность, техническая ошибка или проблема при обслуживании или обращении с ядерным оружием. В накаленной политической и эмоциональной атмосфере тех дней в качестве фактора случайности мог выступить, например, провокационный сигнал «Начинается война», переданный американским шпионом О. Пеньковским во время его ареста в Москве 22 октября. К счастью, в ЦРУ этот сигнал проигнорировали! А если бы нет, если бы поверили своему самому авторитетному шпиону, и нанесли «упреждающий» удар по СССР!

Поводом к «случайному» развязыванию атомной войны мог послужить эпизод, о котором говорил в своем выступлении в Гаване в 2002 году В.П. Орлов. На борту советских подводных лодок, вышедших в дальний поход на Кубу в сентябре 1962 года, находилось по одной торпеде с ядерной боевой частью. Эпизод, когда советская подводная лодка вынуждена была всплыть перед американской эскадрой, вполне мог закончиться трагически. Могли сдать нервы у капитана корабля, уставшего и измученного сложным переходом. Лишенные радиосвязи с базой, оторванные от происходивших в мире событий, капитан и его помощники не способны были адекватно оценить обстановку и могли решиться на крайний шаг - применить атомную торпеду против американского авианосца.

Фактор случайности мог сыграть свою трагическую шутку и в небе над Кубой, где целыми днями буквально висела американская разведывательная и истребительная авиация, иногда на высотах всего 100-200 метров. Гул моторов сотрясал воздух, создавалось впечатление массивного воздушного налета с бомбометанием на советские объекты. Нередко американские летчики открытым текстом запрашивали свой командный пункт: «Когда будем наносить удар по Кубе?» В таких условиях у советских зенитчиков могли не выдержать нервы, могли произойти какие-либо технические сбои.

Напомню, что в полдень 27 октября 1962 года самолет-шпион U-2 был сбит советской зенитной ракетой, пилот погиб. Это, как известно, было кульминацией кризиса: от ответных действий американской стороны зависело тогда многое. В соответствии с действовавшими на тот момент у ВВС США инструкциями, при уничтожении самолета

автоматически наносился удар по позициям зенитных ракет противника. Другими словами, потеря в тот день U-2 должна была привести американскую авиацию в действие. В Вашингтоне, похоже, переоценили решимость Москвы действовать жестко. Президент Кеннеди посчитал, что приказ на открытие огня дал Хрущев, а советский лидер, сам испугавшись этого инцидента, устроил «разнос» командованию Группы советских войск на Кубе. К счастью, американская сторона не прибегла к силовому ответу, Кеннеди решил «прояснить» ситуацию напрямую у Н.С. Хрущева.

В то же время, американские авиационные удары, даже если бы они продолжались несколько дней, все равно не гарантировали бы полного уничтожения всех советских баллистических ракет Р-12 и пусковых установок к ним. Это прекрасно понимали в Вашингтоне. По признанию военных, Пентагон не мог гарантировать 100-процентного уничтожения всех советских баллистических ракет на Кубе и это при том, что позиции баллистических ракет было практически невозможно скрыть с воздуха.

Могло бы применить советское командование «выжившие» ракеты в ядерном снаряжении против целей на территории США? Если бы началась война – то, скорее всего, да. Москва бы наверняка «дала добро». Сразу же после кризиса А. Микоян, беседуя с Ф. Кастро, заявил: «Мы не смогли бы воздержаться от ответа на агрессию против США. Это нападение означало бы нападение на нас обоих, потому что здесь, на Кубе, были развернуты советские войска и стратегические ракеты. Столкновение неизбежно привело бы к ядерной войне».

Мощность моноблочной ядерной боеголовки ракеты Р-12 составляла 2,3 мегатонны, дальность полета 2 тысячи километров при точности стрельбы в 5 километров. В зону досягаемости Р-12 входило практически все восточное побережье США, за исключением северо-востока страны. Объектами поражения могли стать такие крупные и важные центры, как Вашингтон, Норфолк, Атланта, Новый Орлеан, Даллас, Хьюстон и, естественно, вся Флорида. По подсчетам американцев, если бы советские ракеты с Кубы были запущены по США, размеры жертв могли бы достичь 80 миллионов человек. Это – что касается ракет средней дальности.

Тактическое ядерное оружие (ракетные комплексы «Луна», фронтовые крылатые ракеты), а также имевшиеся на вооружении самолетов Ил-28 шесть атомных бомб могли быть применены в нескольких случаях.

Во-первых, если бы американцы первыми применили свое ядерное оружие против защитников Острова Свободы как в ходе воздушной фазы войны, так и в ходе высадки морских десантов. Объектами поражения советским тактическим ядерным оружием стали бы авианосцы, транспортно-десантные корабли ВМС США, высадившиеся и закрепившиеся на кубинском побережье десанты противника.

Во-вторых, тактическое ядерное оружие советские войска могли бы применить в безвыходной ситуации, в случае угрозы своего полного уничтожения.

В-третьих, ядерное оружие подлежало ликвидации в случае реальной угрозы захвата его противником. В этом случае соблазн применить его, а не ликвидировать перед лицом наступающего противника, мог бы быть слишком велик, особенно в неразберихе боя, при потере связи с вышестоящим командованием.

В этой связи следует вспомнить один документ, подготовленный в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР в начале сентября 1962 года, и подписанный начальником Генштаба маршалом М. Захаровым (Министр обороны маршал Р. Малиновский подписывать этот документ не стал).

«Командующему Группой советских войск на о. Куба

В целях усиления Группы советских войск на о. Куба и увеличения возможности борьбы с десантами противника, Вам направляются дополнительные средства:

- эскадрилья самолетов-носителей Ил-28 (6 самолетов и 6 атомных бомб – 407 Н) с ПРТБ;

- три дивизиона «Луна» (всего 6 пусковых установок, 12 ракет-носителей, 12 специальных головных частей и 24 ракеты в обычном снаряжении) с ПРТБ.

В случае высадки десантов противника на о. Куба и сосредоточения вражеских кораблей с десантом у побережья Куба в ее территориальных водах, когда уничтожение противника ведет к затяжке и нет возможности получить указания Министра обороны СССР, Вам разрешается лично принять решение и применить ядерные средства «Луна», Ил-28 или ФКР-1, как средства локальной войны, для уничтожения противника на суше и у побережья с целью полного разгрома десантов на территории Кубы и защиты Кубинской Республики.

Министр обороны СССР
Маршал Советского Союза
Р. Малиновский
П.п. Начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза
М. Захаров
8 сентября 1962 г.»
X X X

Да, действительно, эта телеграмма не была отправлена генералу И.А. Плиеву. Но важно другое – советское военное командование в Москве было морально готово к применению ядерного оружия в безвыходной ситуации неудачных военных действий на Кубе. Характерно то, что когда Р.Я. Малиновскому принесли эту телеграмму на подпись, он отреагировал своеобразно: «Эту директиву не посылать. Плиев знает, что ему делать». Что имел в виду Министр обороны? Очевидно, он был уверен в том, что генерал И.А. Плиев поступит так, как рекомендовал маршал М. Захаров в вышеприведенной телеграмме...

Таким образом, рассуждая об истории Карибского кризиса в сослагательном наклонении, резонно предположить, что в какой-то момент начавшейся на территории Кубы войны командование Группы советских войск могло бы отдать приказ о применении ракет «Луна», фронтовых крылатых ракет или атомных бомб с самолетов Ил-28.

Заслуживает внимания и тот факт, что, если верить Роберту Макнамаре, американцы вплоть до 1992 года ничего не знали о развертывании на Кубе советского тактического ядерного оружия. Можно себе представить картину: американская эскадра подходит к кубинским берегам, разворачивается широкомасштабная морская десантная операция, а в ответ в стоящий на рейде американский авианосец летит крылатая ракета в ядерном снаряжении!

Но даже если бы война против Кубы в октябре 1962 года была каким-то образом локализована только в рамках этого региона и ограничена по применяемым средствам (то есть без использования ядерного оружия – хоть это и трудно представить!) последствия были бы страшными.

Военная операция против Кубы могла бы начаться, судя по имеющимся данным, в понедельник 22 октября 1962 года.

Военная операция США против Кубы проходила бы в два этапа и включала бы в себя воздушную стадию и операцию вторжения на остров. Обращает на себя внимание, что уже тогда американцы «тяготели» к такому построению военных действий. Именно такую модель они через 30 лет повторили в первой войне против Ирака (1990-1991 гг.), а затем в Югославии (1999 г.) и вновь против Ирака (2003 г.).

Целями для подавления в первом авиационном ударе стали бы, прежде всего, позиции советских ракетных полков Р-12, зенитно-ракетные дивизионы ПВО, аэродромы и развернутые на них самолеты МиГ-21 и Ил-28. Налеты американской авиации вызвали бы ожесточенное противодействие со стороны советских и кубинских средств ПВО.

Зенитно-ракетный комплекс С-75 по тем временам считался превосходным. Он мог поражать цели, идущие на скоростях до 1500 км в час и на высотах от 3 до 22 км. Дальность поражения целей достигала 30 км. Один дивизион С-75 в течение 10 минут сбивал до 5 целей, идущих с интервалами 1,5-2 минуты. На одну цель расходовали 2-3 ракеты.

Артиллерийские средства ПВО были способны успешно поражать самолеты и вертолеты противника на малых и средних высотах.

Потери Группы советских войск на Кубе наверняка были бы большими, однако и потери американской авиации были бы весьма существенными. Учитывая американскую «моральную уязвимость» от больших потерь, результаты первых часов и дней операции могли бы сказаться негативным образом на моральном духе американских войск. Кстати, 26 октября 1963 года министр обороны Р. Макнамара доложил президенту Дж. Кеннеди, что в первые десять дней боевых действий высаженные на остров американские войска потеряют 18 484 человека. Трудно сказать, как в Пентагоне сделали такие расчеты, спрогнозировав свои возможные потери с точностью до одного человека. Однако цифра эта явно занижена, хотя бы потому, что американская разведка оценивала группировку советских войск на Кубе в 5-10 тысяч человек. В действительности, в октябре мы уже имели более 40 тысяч человек, а о наличии тактического ядерного оружия, как уже отмечалось, американцы тогда не догадывались...

Что касается личного состава советской группировки войск на Кубе, то, с учетом безвыходности положения (отступать – некуда!), они были бы готовы выполнять свой долг до конца, в любых условиях, при любых потерях. Они были готовы воевать по-русски. Я сам это видел, чувствовал и знал. У нас просто не было бы другого выбора: никаких резервов у Группы войск не было. Перебросить подкрепление за 11 тысяч километров морем в условиях морской блокады – невозможно. Надеяться нам тогда можно было только на себя, на свое оружие, на силу своего духа. Наши сухопутные войска и ВВС на Кубе были обеспечены боеприпасами на 10 суток, силы флота – на 30 дней. А что потом? Потом – только тактическое ядерное оружие. Но об этом мы просто не задумывались.

Несмотря на серьезность положения, в наших частях не было даже намека на панику или отчаяние. И не потому, что нам была безразлична своя судьба. Просто для советского человека, советского солдата воинский долг, приказ Родины были святы. Там, за тысячи километров от родных березовых рощ, мы были готовы умереть за наши идеалы. Все генералы и старшие офицеры, подобно мне, имели фронтовой опыт. Большинство младших офицеров, сержантов и рядовых родились перед минувшей войной или в годы войны, что во многом определяло их высокой патриотизм, уверенность в справедливости идей интернационализма. Эрнест Хэмингуэй в свое время сказал: «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». Эта крылатая фраза в полной мере выражала тогда наши чувства и настроения.

В моральном отношении мы значительно сильнее американцев, и они, наверное, об этом догадывались. Этот фактор тоже служил сдерживающим фактором для американских «ястребов».

С началом Карибского кризиса Куба превратилась в единый военный лагерь. Боевой дух кубинского народа был тогда настолько высок, что никакие жертвы и угрозы его сломить не могли. Огромным по важности фактором, который поддерживал бы моральный дух кубинцев, было бы присутствие советских войск на Кубе. Фидель Кастро, политическое руководство страны, население Острова Свободы осознавали то, что они не одни перед лицом могущественного противника.

Куба готова была отмобилизовать и поставить под ружье 350-400 тысяч солдат. Советская группировка войск насчитывала 43 тысячи человек. Это были внушительные силы для ведения обороны.

Для проведения морской десантной операции и заброски воздушных десантов Соединенным Штатам необходимо было бы иметь не менее чем трехкратное превосходство в силах и средствах. Даже с учетом возможных больших потерь советско-кубинских войск, понесенных в результате воздушной фазы войны, американцам нужно было бы выставить не менее полумиллионной по численности группировки войск. Таких сил у США не было. В ходе обсуждения возможных военных шагов США против Кубы в Пентагоне рассматривали численность армии вторжения на первом этапе в размере 50-150 тысяч человек. Такая малочисленная «экспедиционная армия» неизбежно «застряла» бы в болотах и горах Кубы, воюя против регулярных и партизанских формирований кубинских вооруженных сил и советских войск или их остатков.

На расширенном заседании военного совета Группы советских войск на Кубе ее командующий генерал армии И.А. Плиев приказал привести все воинские части и соединения в полную боевую готовность. Войска были готовы встретить противника во всеоружии. Завершая военный совет, Исса Александрович заявил: «Если противником не будет применено ядерное оружие, будем воевать обычным оружием. Нам отступить некуда, мы далеко от Родины, боезапасов хватит на пять-шесть недель. Разобьют Группу войск – будем воевать в составе дивизии, разобьют дивизию – будем воевать в составе полка, разобьют полк – уйдем в горы...»

Затянувшаяся война на территории Кубы потребовала бы мобилизации значительных резервов США – и людских, и экономических и военных. Неизбежно этот вооруженный конфликт, в конце концов, вышел бы за рамки локального и ограниченного. И вновь – соблазн применить ядерное оружие. Скорее всего, проигрывающей стороной или обеими сторонами в случае тупиковой ситуации, затягивания войны.

Размышления и воспоминания

Ракетно-ядерный щит Отечества

Ракетные войска стратегического назначения были созданы в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 17 декабря 1959 года. Эта дата стала днем рождения отечественных «стратегов».

Создание нового вида Вооруженных Сил СССР, оснащенных ракетно-ядерным оружием, было обусловлено объективной необходимостью.

США, став первыми обладателями атомной бомбы в 1945 году, в безудержном стремлении к мировому господству противопоставили себя Советскому Союзу другим странам социализма, пошли по пути конфронтации и «холодной войны». Окружив СССР плотным кольцом военных баз, упорно разрабатывая планы ядерного нападения на него, они создали реальную угрозу безопасности нашей Родины. Для ликвидации ядерной монополии США и нейтрализации их военно-стратегического превосходства наша страна вынуждена была принять решительные и неотложные меры по созданию ракетно-ядерного оружия.

Первые управляемые баллистические ракеты появились в конце второй мировой войны в Германии. В Советском Союзе понимали важность исследований в области ядерной физики и ракетной техники. Еще в годы Великой Отечественной войны под руководством С.П. Королева была создана так называемая «Лаборатория № 2», занявшаяся работами в области создания ядерного оружия.

17 июля 1945 года на Потсдамской конференции государств-победительниц во второй мировой войне впервые после победы собрались лидеры СССР, США, Великобритании и Франции. Накануне – 16 июля – в США состоялось первое испытание атомной бомбы. Трумэн хотел идти на переговоры о послевоенном устройстве с «атомной бомбой за плечами», поэтому он дважды настоял на переносе сроков открытия конференции. Лидеры государств-победителей разъехались из Потсдама 2 августа, но уже

6 и 9 августа США применили атомные бомбы по мирным японским городам Хиросима и Нагасаки.

В сентябре 1946 года президент США Г. Трумэн заявил: «США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну против Советского Союза». И это были не пустые слова. Уже с 1946 года в Пентагоне началось так называемое ядерное планирование в отношении СССР.

В начале 1946 года был разработан план «Тоталити», в котором предусматривалось нанесение ударов атомными бомбами по 20 советским городам. СССР из союзника во второй мировой войне превращался во врага № 1. В июне того же года Объединенный комитет начальников штабов вооруженных сил США разработал новый план «Пинчер». Объектами поражения должны были стать 20 крупнейших советских городов, на которые предполагалось сбросить 50 атомных бомб.

По мере наращивания ракетно-ядерного потенциала США шел процесс уточнения планов ведения войны против СССР. В марте 1948 года в США был принят план ядерного удара по СССР под наименованием «Бойлер». На этот раз предусматривалось уничтожение 24 советских городов, которые должны были испытать на себе мощь 34 американских атомных бомб. К декабрю 1948 года в США в Вашингтоне рождается новый безумный план – «Сиззл». Ядерный потенциал США позволял им сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. По Москве планировалось нанесение ударов восемью бомбами, а по Ленинграду – семью.

Примерно через год – в октябре 1949 года – в США принимают план «Шейк даун», в соответствии с которым 104 советских города должны были стать объектами поражения в ядерном ударе США по СССР 220 атомными бомбами. А на следующий год появился новый план «Дропшот». На этот раз американцы предполагали сбросить 300 атомных бомб на 200 советских городов.

Этот список можно было бы продолжать до бесконечности. Ядерное планирование против СССР шло полным ходом. Американцы спешили воспользоваться плодами своей атомной монополии. Уинстон Черчилль в своей знаменитой речи, произнесенной в Фултоне, прямо призвал США начать войну против СССР, «пока Советы не имели атомной бомбы».

Что же предпринимал Советский Союз в тех условиях?

6 ноября 1946 года министр иностранных дел В.М. Молотов официально заявил, что секрета атомной бомбы уже не существует. Тогда мало кто в мире поверил словам советского министра. Но уже в том же году в Сарове (он же – Арзамас-75, Арзамас-16, Кремлев) недалеко от Москвы академиками Ю.Б. Харитоновым и П.М. Зерновым был основан так называемый «объект» - ныне Российский федеральный ядерный центр – ВНИИЭФ. Осенью 1947 года развернулось масштабное строительство в Казахстане – первого отечественного полигона для испытаний ядерного оружия.

Героическими усилиями советских ученых, конструкторов, инженеров и рабочих сложная и ответственная задача создания атомного оружия была решена в СССР в самые кратчайшие сроки. В августе 1949 года Советский Союз испытал атомную бомбу, а 12 августа 1953 года на Семипалатинском полигоне был успешно испытан термоядерный заряд. В 1954 году Министерством обороны СССР были проведены первые крупномасштабные военные учения с практическим применением атомной бомбы.

Теперь возникла необходимость создания надежного средства доставки ядерного оружия, обладающего неограниченной дальностью, большой скоростью полета и неуязвимостью для системы ПВО противника.

4 октября 1957 года в Советском Союзе был запущен первый искусственный спутник Земли. Для американцев это было громом среди ясного неба. Позже президент США Джон Кеннеди скажет: «Когда мы узнали о запуске русскими искусственного спутника Земли, мы пришли в шоковое состояние и в течение недели не могли ни принимать решения, ни разговаривать друг с другом». Америка была в шоке не только

потому, что Советский Союз оказался первым в космосе. В Вашингтоне отчетливо понимали, что вывод на космическую орбиту спутника означал, что у Москвы появились средства доставки ядерного оружия до любых объектов на территории США.

Не меньшим шоком стал для Вашингтона и день 12 апреля 1961 года, когда Юрий Гагарин проложил дорогу в космос на пилотируемом корабле «Восток».

И все же ракетно-ядерное превосходство США над СССР к началу 60-х годов XX века было полнейшим. В конце 1961 года в США была принята «стратегия гибкого реагирования», в рамках которой предполагалось «дозированное» использование ядерных сил США в случае войны с СССР. Для этого был разработан Единый комплексный оперативный план ядерной войны, в котором рассматривались несколько вариантов применения ядерного оружия: массированные удары по советским стратегическим ядерным силам с целью исключить или ослабить ответный удар; массированные удары по системам и пунктам государственного и военного управления; подавление средств ПВО, расположенных на маршрутах полетов стратегической авиации США; поражение систем ПРО; одновременное нанесение «парализующих ядерных ударов» по СССР.

Для претворения в жизнь планов ядерной войны против СССР в США имелось достаточное количество средств поражения и средств доставки. Уже к концу 50-х годов в ВВС США насчитывалось более 1800 бомбардировщиков В-52 и В-47 (носителей атомных бомб мощностью от 200 кт и выше). Они размещались на 65 базах, 25 из которых находились за пределами национальной территории США. В составе ВМС США имелось 20 атомных ракетных подводных лодок. Ускоренными темпами шло развертывание МБР с дальностью полета до 10 тыс. км и мощностью боеголовки в 1 Мгт. Кроме того, на территории Турции и Италии было развернуто 45 ПУ ядерных ракет «Юпитер», а в Великобритании 60 ПУ РСД «Тор».

В целом, соотношение ядерных боеприпасов СССР и США было 1:17. У СССР было около 300 боеприпасов, у США – 5 тысяч единиц.

По средствам доставки ядерного оружия картина была несколько иной, однако и здесь превосходство США было полным. К середине 1962 года соотношение между СССР и США по средствам доставки ядерного оружия до территории противника характеризовалось следующими показателями:

Средства доставки	СССР	США	Соотношение
МБР и РСД, способные достичь территории противника	0	105	абсолютное
Бомбардировщики, способные достичь территории противника	63	300	1:4,7
ПУ подводных лодок	15	80	1:5,3
ВСЕГО	308	1184	1:3,8

На 22 октября 1962 года, когда Советский Союз завез свои ракеты средней дальности на Кубу, у СССР появилось 24 ракеты, которые могли достичь территории потенциального противника. Это хоть и незначительно, но меняло соотношение средств доставки ядерного оружия двух стран, способных достичь территории противника. Этот показатель становился 1:3,6. С вывозом советских ракет Р-12 с Кубы ситуация вновь «стабилизировалась».

Реального паритета с США по стратегическому ракетно-ядерному оружию наземного базирования СССР достиг только к началу 70-х годов.

Однако главный урок Карибского кризиса состоял в том, что политические деятели США и СССР – двух ведущих держав мира – осознали, что ядерное оружие в сочетании

со средствами доставки – баллистическими ракетами – превратилось в политическое оружие. Кризис впервые показал значение ядерного оружия как сдерживающего фактора. Тогда же родилось такое понятие как «ядерное сдерживание». И хотя Карибский кризис заставил о многом задуматься политических руководителей и в Москве, и в Вашингтоне, гонке ядерных вооружений был дан «зеленый свет».

В 1964 году президент США Л. Джонсон сформулировал суть гонки ракетно-ядерных вооружений: «Британцы господствовали на море и руководили миром. Мы господствовали в воздухе и были руководителями свободного мира с тех пор, как установили это господство. Теперь это положение займет тот, кто будет господствовать в космосе».

Гонка ракетно-ядерных вооружений началась. Ядерные арсеналы каждой из сторон в конечном счете достигли показателя 12 тысяч единиц, что многократно превосходило уровень разумной достаточности.

Одновременно с совершенствованием ракетно-ядерного оружия – как у нас в стране, так и в США – в полный рост встала проблема ограничения и сокращения ядерных потенциалов, стратегических наступательных вооружений. С начала 70-х годов между двумя державами начались переговоры в этой области, которые сопровождались подписанием целого ряда серьезных политических документов. И здесь из-за беззубости нашего МИД было сделано несколько серьезных ошибок или уступок США. В частности, за рамки переговоров были выведены морские ядерные силы, а сокращению подлежали наземные ракетные комплексы. Структура ракетно-ядерных сил СССР и США складывалась так, что американцы делали упор на морской компонент, а мы, в СССР, – на наземный. В результате – мы пошли на поводу у американцев в ущерб самим себе. Примером другой ошибки или преступления стало подписание М.С. Горбачевым Договора о сокращении ракет меньшей и средней дальности. Мы сократили в 2,5 раза больше своих носителей и в 3,5 раза больше своих боеголовок, чем США. Более того, мы добровольно, по собственной инициативе сократили самый современный, уникальный оперативно-тактический комплекс «Ока», который даже не подпадал под ограничения. Дальность полета этой ракеты составляла 400 км, а сокращению подлежали ракеты с дальностью полета 500 и более километров.

После Карибского кризиса советские Ракетные войска стратегического назначения прошли несколько этапов в своем развитии. Они оснащались самыми мощными и эффективными межконтинентальными баллистическими ракетами, разделяющимися головными частями, средствами преодоления ПРО вероятного противника. В конце 80-х годов РВСН получили знаменитые «Тополя» - мобильные ракетные комплексы РС-12М с дальностью полета 10500 км, и железнодорожные ракетные комплексы РС-22.

Современные отечественные ракетные комплексы ныне превосходят любые зарубежные аналоги. Заявления Президента Российской Федерации В.В. Путина о том, что у нас есть ракеты, способные преодолеть любую противоракетную оборону потенциального противника, имеют под собой серьезные основания.

Я вспоминаю в связи с этим свои встречи с выдающимся советским конструктором ракет В.Ф. Уткиным, который после ухода из жизни В.Н. Челомея сменил его на посту генконструктора КБ «Южмаш». Как-то на прогулке он поделился своими идеями преодоления противоракетной обороны противника. «Любую ПРО, - задумчиво говорил он, - можно пробить. Наша «Сатана» несет 10 ядерных боеголовок, но их можно оснастить дополнительно 30 ложными мишенями. В результате перед ПРО встанет задача уничтожить не 10, а 40 боеголовок. А если будет лететь не одна ракета, а десятки, сотни. Система управления ПРО откажет».

И это только одна из идей, а сколько таких идей рождается в головах наших отечественных гениев!

Сегодня мы должны отчетливо осознавать, что РВСН – это главный и весомый довод для США считаться с нами и в политике, и в экономике, и в военной сфере. Это –

достояние нашего народа, своим беззаветным, самоотверженным трудом создавшего ракетно-ядерный щит Отечества.

Документальная ретроспектива

Микоян встречается с Кеннеди

Особую роль в деле урегулирования всех сторон Карибского кризиса сыграл первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян. Он стоял у истоков дружественных отношений Москвы и Гаваны, его считал своим другом Фидель Кастро, он пользовался уважением и авторитетом среди кубинских руководителей и политического руководства Советского Союза.

После вывода советских ракет фактически за спиной кубинского руководства именно А.И. Микояну Н.С. Хрущев поручил деликатную миссию «утрясти ситуацию». Фидель Кастро был действительно расстроен и обижен на поведение Москвы: когда нужно было разместить ракеты – с ним советовались, его убеждали и уговаривали, а когда решили убрать – даже не предупредили заранее. Фидель как и весь мир в целом узнал о решении Советского правительства из сообщений московского радио. Кубинский лидер был прав – так с союзником, тем более стратегическим союзником, не поступают.

Миссия А.И. Микояна была очень сложной и щекотливой, особенно если учесть специфику взрывного характера Фиделя Кастро. Советский посол А.И. Алексеев, анализируя настроения кубинского руководителя, в шифротелеграмме в Москву 3 ноября докладывал:

«Заблуждения Кастро вызваны следующими обстоятельствами:

Он уверен, что после первой уступки империализму могут последовать другие (так он интерпретировал решение Советского правительства).

Кастро не сомневается, что империалисты предъявят ему новые обвинения и будут искать возможности для провокаций.

В некоторых своих высказываниях среди своего окружения он проводил мысль, что кубинский вопрос перешел из сферы международного в локальный, и надо быть готовым к локальной войне, то есть своими силами. Он считает, что в период наибольшего подъема революционных преобразований нельзя расхолаживать кубинский народ и прививать ему иллюзии примирения с империализмом. Однако главную проблему заблуждений Кастро я вижу не столько в его еще недостаточной идейной подготовке и отсутствии партийной закалки, сколько в его особом очень сложном, до предела чувствительном и обидчивом характере. Малейшее неправильное выражение, имеющее двусмысленное значение или попытки нажима на него, воспринимаются им очень болезненно».

Вот в такой обстановке приходилось действовать Анастасу Ивановичу Микояну. Надо признать, что он справился с порученной ему задачей блестяще: снял напряжение в отношениях между Гаваной и Москвой и смог в конечном счете убедить Фиделя Кастро в искренности и последовательности позиции Советского Союза.

Однако это было нелегко...

А.И. Микоян прибыл в Гавану 2 ноября 1962 года. В аэропорту его встречал сам Фидель, который был необычайно сдержан и немногословен. Всем своим видом, подчеркнуто официальным поведением кубинский руководитель демонстрировал недовольство советской политикой и личными действиями Хрущева в отношении Кубы. На состоявшихся встречах Микояна с кубинскими руководителями советскому представителю пришлось неоднократно оправдываться, анализировать переписку Хрущева и Кеннеди, убеждать кубинскую сторону в отсутствии тайного сговора между Москвой и Вашингтоном.

Вот как докладывал в Москву о ходе переговоров в Гаване сам А.И. Микоян 4 ноября 1962 года: «А.И. МИКОЯН передал кубинским руководителям от имени

Президиума ЦК КПСС и Никиты Сергеевича Хрущева горячий братский привет. Он отметил, что Центральный Комитет КПСС с восхищением и уважением относится к кубинским руководителям, которые с самого начала своей борьбы проявляли мужество и бесстрашие, уверенность в победе революции на Кубе, готовность отдать все свои силы борьбе. Мы гордимся победой, одержанной кубинской революцией в борьбе против интервентов, высадившихся на Плайя-Хирон. Кубинские революционеры проявили такой могучий дух сопротивления, который вызывает восхищение и доказывает, что кубинцы всегда готовы сражаться до победы. Кубинские руководители проявили большое мужество, бесстрашие и твердость в опасные дни. ЦК КПСС восхищается готовностью кубинского народа выстоять. Мы доверяем, продолжал А.И. Микоян, кубинским руководителям, как самим себе.

Наша партия и правительство действовали в период кубинских событий, имея в виду сделать все для того, чтобы Кубе было лучше. Когда посол Алексеев сообщил о мнении товарища Фиделя Кастро, что между нашими партиями существуют некоторые расхождения, мы были очень огорчены. Сразу собралось наше руководство. Ведь вопрос о Кубе нас очень волнует. Нам нужно было восстановить полностью взаимное доверие, поскольку доверие является основой всего, основой настоящих братских отношений. Мы понимали, что никакая переписка не может позволить разъяснить до конца возникшее недопонимание. Поэтому ЦК КПСС решил направить меня на Кубу для того, чтобы разъяснить друзьям нашу позицию и информировать их по другим, интересующим их вопросам. Мы знаем, продолжал А.И. Микоян, что, если вам все объяснить, то вы, наши братья, поймете нас. Товарищ Микоян отметил, что, естественно, он не имеет намерения оказывать давление, его задача – разъяснить нашу позицию. Зная кубинских товарищей, сказал А.И. Микоян, я уверен, что и они с этим согласятся. Может, конечно, получится и так, что и после разъяснений сохранятся некоторые моменты, по которым останутся пока разные точки зрения. Наша задача – сохранить взаимное доверие, которое необходимо для настоящих дружеских отношений с Кубой для будущего Кубы и СССР и всего международного революционного движения...»

Однако, несмотря на оптимистические донесения, А.И. Микоян чувствовал, что отношение руководителей Кубинской революции к Советскому Союзу изменилось. 7 ноября по случаю 45-й годовщины Великой Октябрьской революции в советском посольстве был устроен торжественный прием. К назначенному времени прибыли все приглашенные, а Микоян спустился вниз, чтобы лично встретить Фиделя Кастро. Прошло пять, десять, двадцать минут, а кубинского гостя не было. Фидель приехал только через сорок минут и был очень озабоченным и грустным. Хозяева сделали попытку проявить особое гостеприимство, однако все было напрасно. Фидель дал понять, что не намерен долго присутствовать, обменялся сдержанными приветствиями с присутствующими официальными лицами, сделал общий поклон и уехал.

А.И. Микоян не смог скрыть своего огорчения и растерянности.

Только к концу ноября, когда прошло уже достаточно много времени, посланцу Москвы удалось согласовать точки зрения Советского правительства с правительством Кубы по вопросу окончательной ликвидации Карибского кризиса.

После окончания переговоров в Гаване А.И. Микоян, согласно договоренности между Москвой и Вашингтоном, направился на встречу с президентом США Джоном Кеннеди.

29 ноября 1962 года в Белом доме в кабинете американского президента состоялся довольно острый разговор, в ходе которого обе стороны неоднократно «укалывали» друг друга – когда прямо, когда намеками. И все же главное было сделано: ракетно-ядерный кризис был преодолен, а Куба получила гарантии о ненападении со стороны США. Через несколько дней стенографическая запись беседы в Вашингтоне была подготовлена и разослана членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС. В этом документе затрагивался не только весь комплекс взаимоотношений между Москвой

и Вашингтоном, указывались мотивы и причины размещения советских войск и баллистических ракет на Кубе, но и четко формулировалось искреннее отношение СССР к Кубе.

«Запись беседы

тов. А.И. Микояна с президентом США Дж. Кеннеди

29 ноября 1962 года

После обмена приветствиями Дж. Кеннеди спрашивает А.И. Микояна о его впечатлениях о поездке на Кубу.

А.И. Микоян отвечает, что у него остались самые хорошие впечатления, что Куба – прекрасный остров, что кубинцы очень интересный народ, с энтузиазмом строящий новую жизнь. Кастро лично уделяет большое внимание этому строительству, в частности, развитию сельского хозяйства, постройке школ, больниц и т.п. мероприятиям.

А.И. Микоян рассказывает о семье Кастро, отмечая, что братья – Фидель и Рауль – давно отказались в пользу крестьян от принадлежавших им некогда значительных земельных угодий в то время, как их старший брат, не разделявший до недавнего времени их революционных идей, оставался земельным собственником. Однако и он понял, наконец, смысл происходящих на Кубе перемен и тоже отдал свою землю крестьянам. Этот брат теперь заявляет, что он давно бы присоединился к Фиделю и Раулю, если бы смог в свое время предвидеть, в каком направлении они поведут кубинскую революцию.

Дж. Кеннеди спрашивает, когда Кастро стал коммунистом.

А.И. Микоян отвечает, что Кастро является марксистом в течение одного-двух последних лет. Ранее он и его ближайшие друзья, такие как Арагонес, были революционерами либерального толка. Рауль Кастро и Э. Гевара уже раньше стали коммунистами.

А.И. Микоян отмечает далее, что из многочисленных встреч с представителями самых различных слоев кубинского народа он вынес впечатление, что кубинцы питают основанное на горьком опыте и поэтому вполне естественное недоверие к Соединенным Штатам, американскому империализму и открыто говорят об этом. Нужно прямо признать, что отношения сейчас между США и Кубой по вине первых являются, конечно, совершенно неудовлетворительными.

Дж. Кеннеди соглашается, что отношения между Кубой и США не являются удовлетворительными и замечает, что усилия кубинского народа и Кастро в области образования, медицинского обслуживания, развития хозяйства страны, безусловно, хорошее дело, но США обеспокоены тем обстоятельством, что Куба превращается в плацдарм советской политики, направленной на подрыв Латинской Америки, что Куба и Кастро ведут подрывную деятельность против латиноамериканских стран. Тем не менее, продолжает Кеннеди, я в своих выступлениях критиковал тех, кто хотел бы осуществить вторжение на Кубу. Известно также мое отношение к высадке на Плайя-Хирон. Этим летом на Кубе началось наращивание военной силы. Там появились сотни советских кораблей с оружием, а в конечном итоге там появились и ракеты. Все это ставит нас в трудное положение. Как я могу знать, что это не повторится через месяц или что такое оружие не будет доставляться на Кубу китайцами? И все же, несмотря на все это, мы выступали против тех, кто утверждал, что Куба – это советская военная база. Причем как раз в то время мы получили заверения от Председателя Хрущева, что на Кубе нет наступательного оружия. Как можно после всего происшедшего гарантировать, что, скажем, в начале будущего года такое оружие не будет доставлено туда вновь.

А.И. Микоян говорит, что Советское правительство, учитывая хорошие отношения, сложившиеся между Н.С. Хрущевым и Дж. Кеннеди в то время, приняло решение проинформировать президента Кеннеди в конфиденциальном порядке и лишь потом сообщить в печати о поставке вооружений на Кубу, несмотря на то, что правительство США не информирует нас о том, какое оружие поставляется на его базы. С течением

времени это так или иначе перестало бы быть секретом, но мы хотели подчеркнуть, что, направляя это оружие на Кубу, мы не преследовали каких-либо агрессивных целей и уж ясно не делали это в целях нападения на США. Вы – военный человек, г-н Президент, продолжает А.И. Микоян, и Вы понимаете, что было бы глупо думать о том, чтобы с Кубы совершить нападение на США. Это ясно, пожалуй, даже каждому гражданскому человеку. Президент давал понять т. Хрущеву по неофициальным каналам, что он не хотел бы, чтобы Советский Союз во время предвыборной кампании в США предпринимал какие-либо шаги по Берлину или по другим вопросам, которые могли бы отрицательно сказаться на избирательной кампании. Желая не осложнять положение президента, было решено сообщить конфиденциально по этому вопросу сразу после выборов, а затем опубликовать в печати. Повторяю, оружие было поставлено туда не в целях совершения нападения на США, а как средство сдерживания, в целях усиления оборонительной мощи Кубы и ее защиты от возможного нападения извне.

Дж. Кеннеди замечает, что дело не в том, чтобы информировать или не информировать его правительство. Конечно, мы вам не сообщаем о таких вещах и вы нам не обязаны сообщать. Но еще в сентябре было известное сообщение ТАСС о том, что на Кубе нет наступательного оружия. Кроме того, посол Добрынин сказал об этом же министру юстиции Р. Кеннеди. Это оказалось обманом.

А.И. Микоян говорит – это неправильно, не было никакого обмана. Имеет место различие в интерпретации этого оружия. Мы направили это оружие на Кубу в оборонительных целях, а не для нападения. В нашем сентябрьском заявлении подчеркнута цель этого оружия; одно дело цель этого оружия, другое его характер. Поэтому мы и сделали такое заявление. Это оружие было направлено на Кубу только в целях обороны. Как средство сдерживания возможной агрессии. Было бы глупо думать о том, чтобы начать нападение на США с помощью этих ракет. Ведь известно, что СССР располагает достаточно мощными ракетами, имеющими огромный радиус действия. Понятно каждому, что, если бы расположенные на Кубе ракеты были запущены против США, дело не ограничилось бы Кубой, и началась бы всеобщая война. Но всем известно, что мы не хотим нападать на кого-либо, не хотим войны.

В этой связи, отмечает А.И. Микоян, я вспоминаю свой разговор с Даллесом и Эйзенхауэром. Я спросил Даллеса, думает ли он, что Советский Союз хочет воевать с США. Он помолчал и ответил, что он так не думает, и спросил, считает ли Советское правительство, что США хотят воевать с Советским Союзом.

Я ответил, продолжает А.И. Микоян, что мы тоже так не думаем, но что у нас имеются большие сомнения на этот счет. Мы задаем себе вопрос: если США не хотят воевать с нами, зачем тогда им базы, расположенные в непосредственной близости от Советского Союза, для чего раздувается «холодная война» и ведется политика «на грани войны»?

Далее А.И. Микоян замечает, что слова Кеннеди относительно превращения Кубы в базу, направленную против США и стран Латинской Америки, напомнили ему упомянутый выше разговор с Даллесом. В этой связи мне хотелось бы повторить президенту Кеннеди тот же вопрос: думает ли он о том, что Советский Союз хочет воевать с США?

Дж. Кеннеди замечает, что он в свою очередь хотел бы спросить А.И. Микояна, почему Советский Союз, вопреки публичным и конфиденциальным заверениям его руководителей об обратном, завез на Кубу ракеты среднего радиуса действия и другое «наступательное оружие», хотя всем было известно, что США не угрожали Кубе вторжением ни весной, ни летом этого года. Об этом он откровенно сказал еще в Вене Хрущеву. Несмотря на то, что он, Кеннеди, подвергся нападкам со стороны тех, кто заявлял, что США позволяют создание на Кубе военной базы, он в сентябре и даже в октябре выступал публично против вторжения на Кубу. А США могли бы формально оправдать такое вторжение, но они не считают, что это было бы решением проблемы.

Поэтому мы в и в то время могли сказать Хрущеву, что не собираемся вторгаться на Кубу. Мы исходили из того, что нам с вами предстоит решение более широких международных проблем, и мы не намеревались вторгаться на Кубу. Это хорошо известно послу Добрынину. Председатель Хрущев говорил, что на Кубе нет наступательного оружия, об этом же говорилось и в известном заявлении ТАСС, посол Добрынин также говорил об этом. И вдруг оказывается, что на Кубе установлены ракеты. Это было крупным оскорблением в мой адрес. Мы заинтересованы в том, чтобы избежать опасных конфликтов в последующие годы, и кое-что уже сделано в этом направлении, в частности мы договорились о мирном урегулировании лаосской проблемы. Главное, чтобы мы с Хрущевым хорошо понимали друг друга. Что же мы имеем сейчас? Прямое военное противостояние из-за Кубы. Кто может сказать, что это не может повториться, скажем, через полгода?

А.И. Микоян говорит, что без взаимопонимания между Хрущевым и Кеннеди, между СССР и США, действительно трудно рассчитывать на сохранение мира, и отмечает, что целями Советского правительства, в том числе и его беседы с Кеннеди, являются поиски путей улучшения взаимопонимания между СССР и США по всем спорным вопросам и укрепления, таким образом, мира во всем мире.

С одной стороны, продолжает А.И. Микоян, вы заявляли, что не собираетесь нападать на Кубу, но, с другой стороны, известно, что как на территории США, так и в некоторых странах Карибского бассейна велась военная подготовка значительных групп кубинских эмигрантов. Более того, было объявлено о наборе в американскую армию кубинских эмигрантов для формирования подразделений, говорящих на испанском языке.

Продолжались диверсии против Кубы, деятели из Пентагона выступали с заявлениями, находившимися в противоречии с заявлениями президента. Им вторил, замечет А.И. Микоян, «мой хороший друг» Никсон. Кроме того, все помнят совершенное при содействии США вторжение против Кубы. Я знаю с Ваших слов, сказанных Хрущеву, что вторжение в «заливе Свиней» было подготовлено Вашим предшественником, но оно все же состоялось при Вашем президентстве. А.И. Микоян повторяет, что Советское правительство заявляло правильно, что завезенные на Кубу ракеты предназначались только для целей обороны. Мы рассматриваем ракеты, которые находились на Кубе, как «сдерживающее», а вовсе не «наступательное» средство. Если бы мы хотели напасть на США, то в нашем распоряжении имеются ракеты исключительно большого радиуса действия. Известно, что для испытания таких ракет Советскому Союзу не хватает даже его территории и ему приходится запускать ракеты в Тихий океан неподалеку от берегов США. У нас есть достаточные средства доставки, есть достаточно водородных и атомных бомб. Такие бомбы есть, конечно, и у США. Так что ясно, что 42 ракеты, расположенные на Кубе, предназначались лишь для сдерживания. Всем ясно, что если бы эти ракеты были применены против США, это означало бы всеобщую войну. Однако ракеты на Кубе предназначались для обороны, находились в руках советских офицеров и не могли быть использованы без нашего приказа. Должен Вам сказать в конфиденциальном порядке, не для печати, замечает А.И. Микоян, что у нас есть закон, запрещающий передачу ядерного оружия во вторые руки. Мы понимаем, что в данный момент вопрос не ограничивается одной Кубой, речь идет об отношениях между СССР и США. Мы исходим из необходимости постепенного решения всех спорных вопросов и поэтому считаем, что нужно окончательно ликвидировать конфликт вокруг Кубы и перейти к урегулированию других неотложных проблем...

Дж. Кеннеди замечает, что Никсон может говорить, что угодно, но что не он определяет политику США. Никсон действительно критиковал политику нынешнего правительства США в отношении Кубы и СССР за то, что она была слишком «мягкой». Что же касается генералов из Пентагона, то правительство контролирует их заявления. Он не знает официальных лиц, которые бы выступали с предложением о нападении на Кубу.

Кеннеди отмечает далее, что ему пришлось нести ответственность за вторжение на Плайя-Хирон. Но ни весной, ни летом этого года, подчеркивает он, не было речи о вторжении на Кубу.

Не Куба (что она действительно может сделать против нас), а действия Советского Союза – вот что имеет для нас значение, говорит Кеннеди. Как Советский Союз не хочет нападать на Албанию, так и мы не хотим нападать на Кубу. У Советского Союза и США есть сила, достаточная для того, чтобы уничтожить друг друга и, если мы в каких-то вопросах не будем понимать друг друга, то это может привести к крупному взрыву. Надеюсь, что когда-нибудь Советский Союз поймет это и будет ограничиваться рамками только своей страны, своим внутренним строительством и перестанет поджимать нас. Тогда и США готовы сделать то же самое. А то сейчас, сказал президент, создано такое положение, когда, хотя обе наши страны и не имеют каких-либо территориальных претензий друг к другу, мы сталкиваемся с вами почти повсюду, что в нынешний ракетно-ядерный век связано с большими опасностями для всеобщего мира. Как только где-либо вспыхивает искра революции – ваше присутствие заметно. Вы тут как тут. Надо взаимно избегать обострения обстановки в различных частях света.

А.И. Микоян, касаясь замечания Кеннеди о революциях, ссылается на пример с Кубой. Мы, Советский Союз, ничего заранее не знали о готовящемся на Кубе вооруженном восстании во главе с Ф. Кастро и никак не вмешивались в это восстание, которое закончилось тем не менее таким замечательным успехом. А американцы имели там свое посольство, послушное правительство, там действовали американские монополии. Разве президент не знает всего этого? (Кеннеди тут же подтвердил, что они твердо знают, что Советский Союз тут был совсем не причем).

Если быть реалистами, продолжал А.И. Микоян, то надо признать, что революции вспыхивают не потому, что тут присутствует мифическая «рука Москвы», а потому, что в той или иной стране созрели для этого социальные, экономические и политические условия. Революции были и будут. И в странах Америки они победят. И у Вас, в США победит. Возможно, Вам самому придется оказаться в роли Ф. Кастро, который, не будучи марксистом, повел Кубу к социализму.

Дж. Кеннеди рассмеялся, сказав: «Не я, но мой младший брат может оказаться в таком положении».

А.И. Микоян говорит, что политика Советского правительства, возглавляемого Н.С. Хрущевым, заключается в том, чтобы шаг за шагом решать все проблемы и укреплять мир. Мы стремимся устранить все очаги опасности и уже многого достигли в этом направлении. В случаях, когда нам не удастся найти решение спорных проблем, это происходит лишь потому, что мы не встречаем понимания со стороны западных держав.

Назревшие вопросы надо решать, а не оставлять их в подвешенном состоянии, что всегда чревато новыми опасными вспышками конфликтов. Мы за то, чтобы решать вопросы, а не уходить от них, ибо уйти от этого, если говорить откровенно, невозможно...

А.И. Микоян говорит, что в обмене посланиями между Н.С. Хрущевым и Дж. Кеннеди есть основа для урегулирования кубинского вопроса. Советская сторона, основываясь на посланиях Н.С. Хрущева и Кеннеди, разработала совместно с правительством Кубы проект протокола и включила в него ряд положений, выдержанных в духе этих посланий. К сожалению, представители США отвергли этот проект. Но к настоящему времени мы договорились с представителями США на переговорах Нью-Йорке о двух важных моментах:

1. Документ, оформляющий урегулирование кубинского кризиса, должен быть не в виде протокола, а в виде декларации трех сторон – СССР, Кубы и США.
2. Эти декларации представляются для одобрения в Совет Безопасности.

Однако не достигнуто согласие по конкретным пунктам содержания этих деклараций...

Дж. Кеннеди констатирует, что Советский Союз уже вывез с Кубы ракеты и вскоре вывезет бомбардировщики. Кроме того, как он надеется, с Кубы будут удалены войска охраны ракет. США со своей стороны сняли карантин и заявили, что не будут поддерживать агрессию против Кубы. Таким образом, уже был достигнут значительный прогресс. Вопрос о выводе войск охраны ракет не затрагивался в послании Н.С. Хрущева прямо, но подразумевалось, что это будет сделано. Он думает, что будут выведены и остальные войска и оставшееся оружие.

А.И. Микоян. Президент ошибается, будет вывезено не меньше и не больше того, что сообщено Вам Хрущевым в его послании.

Далее он замечает, что американский проект декларации является пока неудовлетворительным, поскольку он фактически сводит ан нет гарантию о невторжении на Кубу, данную президентом Кеннеди. Включая в свой проект оговорку о том, что гарантия о ненападении будет оставаться в силе, если Куба будет воздерживаться от «подрывных действий» и не предпримет акций, которые будут нарушать безопасность других стран Америки. США тем самым пытаются присвоить себе право самим квалифицировать действия Кубинского правительства и поставить его под свой контроль. Кто дал такое право Соединенным Штатам? Как мы можем с этим согласиться? Кастро говорил мне, какое право вообще имеет президент США нападать на Кубу и изображать дело таким образом, будто он делает великое благодеяние, обещая дать гарантию о ненападении на нее? Ведь Куба является независимой страной. Я не мог не согласиться с ним.

Первая часть американской декларации в общем приемлема, но мы предложим несколько другую редакцию. Что же касается т.н. «подрывных действий» Кубы, то если уж вообще говорить об обязательстве Кубы не заниматься подобными действиями, которыми она к тому же и не занимается, тогда аналогичные обязательства должны быть записаны и адрес всех соседних с Кубой стран. Надо предусмотреть взаимные обязательства – не совершать подрывных действий, не посылать наемников. Тогда это было бы справедливо.

В проекте советско-кубинского протокола есть один несколько сложный для США пункт – это вопрос о ликвидации базы Гуантанамо. Кастро согласился и это записано в проекте протокола – пока начать переговоры о сроке ликвидации этой базы. Все же остальное из 5 пунктов Кастро, включенных в протокол, с точки зрения международного права, является элементарными требованиями: не проводить экономическую блокаду, принять меры, чтобы не было пиратства, чтобы не было обстрелов гостиниц в Гаване, как это было недавно.

Дж. Кеннеди говорит, что он согласен с этим и что такие действия противоречат также и американским законам, и замечает, что такого рода спорадические действия не служат каким-либо практическим целям, а скорее предпринимаются в целях создания шумихи. Главное, подчеркивает он, это то, что США не готовят войска для вторжения на Кубу. Мы заявляем, говорит Кеннеди, что не будет вторжения.

Вы сказал на днях, говорит он далее А.И. Микояну, что руки империалистов будут связаны. Поэтому, когда речь идет о представлении документов в ООН, мы хотим проявить особую осторожность. Речь идет о декларации не на месяц, а на два года или шесть лет, словом, пока я буду президентом. Кроме того, кто может поручиться, что, скажем, через три года китайцы не поставят на Кубу ракетное и атомное оружие или вы сами вновь не привезете их. Надо быть очень осторожным при выработке таких документов. При этом мы должны признать, что Кастро не является нашим другом.

США, хотя они в любом случае не намерены нападать на Кубу, должны заверить народны Западного полушария, что имеются все гарантии того, что ракеты не будут завезены на Кубу вновь, а также, что Куба не будет вести подрывной деятельности против соседних стран: «А ведь Куба даже может усилить такую деятельность, полагаясь на полную безнаказанность, поскольку США дадут оформленное заявление о невторжении».

А.И. Микоян подтверждает, что он это сказал и считает, что хорошо сказал. Мы хотим связать руки империалистам в агрессивных делах, но не собираемся связывать им руки в хороших гуманных делах.

Дж. Кеннеди. Я думаю, Вам известно, что мы не нападём на Кубу, но Вы хотите публичных заверений в этом отношении, а мы же должны заверить народы Западного полушария, что ракет на Кубе нет, и что имеются все гарантии того, что они не будут завезены туда вновь. Надеюсь, что удастся решить этот вопрос либо путем достижения договоренности об инспекции на местах, либо путем инспекции другими способами, по возможности менее беспокоящими Кастро. Я знаю, что вы и Кастро против полетов наших самолетов над кубинской территорией, но пока нет других средств. Эту проблему надо решать. Мы должны иметь удовлетворительные средства проверки или же мы будем продолжать полеты над Кубой...

А.И. Микоян говорит, что ясно, что многочисленные и частые полеты на низких высотах были просто хулиганством со стороны США, а нынешние полеты – это тоже хулиганство, но на большой высоте.

Дж. Кеннеди повторяет, что, по его мнению, эти редкие высотные полеты не должны особенно беспокоить Кастро.

А.И. Микоян отмечает, что Кастро все же знает об этих полетах, и они не могут не раздражать кубинцев, поскольку представляют собой нарушение государственного суверенитета Кубы. Кубинцы – гордый народ, они достаточно натерпелись в своей истории – господство Испании, а затем США – их военная база, закон Платта, а теперь печать США подвергает их ругани каждый день. Действительно, как можно говорить о том, что США имеют право совершать такие полеты, когда в Уставе ООН говорится об обязательстве государств не нарушать суверенитета других стран? Если же у США есть какие-то опасения на будущее, то Кастро и мы согласны на международный контроль, продолжает А.И. Микоян, но таковой должен быть многосторонним и равноправным для всех стран Карибского района. Этому соответствует последний план У Тана. Кастро, естественно, отвергает односторонний контроль. Вы пишете в своей декларации о том, что намерены своими средствами получать информацию. Если под этим имеется в виду облет территории Кубы, то это есть нарушение международного права, и мы не можем подписаться под таким документом, и Кастро и ООН тоже не могут. Далее в декларации сказано, что гарантии будут действительны при условии, что со стороны Кубы не будет проводиться подрывной деятельности. Как это можно увязать с международным правом? Если уж вообще говорить об обязательстве Кубы не заниматься подобными действиями, которыми она к тому же и не занимается, то аналогичные обязательства должны быть записаны и в адрес всех соседних с ней стран. Тогда это было бы справедливо. Выдвижение теперь такого условия со стороны США, которое не было предусмотрено в обмене посланиями между президентом и Н.С. Хрущевым, сводит по существу на нет данное Вами обязательство о ненападении на Кубу.

Дж. Кеннеди зачитывает американский проект, в котором говорится о том, что США дают гарантии ненападения при условии, что на Кубе не будет наступательного оружия и при условии, что Куба не будет угрожать другим странам. Он спрашивает: если Куба не собирается угрожать другим странам, то что тогда здесь неприемлемого?

А.И. Микоян говорит, что мы не оспариваем положение относительно ввоза «наступательного оружия». Однако упомянутое выше условие о «подрывных акциях Кубы» является, по сути дела, отрицанием самого заявления о ненападении.

Дж. Кеннеди замечает, что он понимает озабоченность советской стороны в отношении формулировок, но просит понять и его собственное положение. Кеннеди говорит, что получается, что он должен взять обязательство или дать гарантии, т.е. «связать себе руки» на несколько лет, независимо от того, что делает Кастро. Я могу дать гарантии, продолжает он, только при том условии, что на Кубе нет и не будет ядерного оружия. Я заявляю, что мы не нападём на Кубу, но мы отчетливо представляем себе, что

Кастро – наш недруг. Вместе с тем. Мы готовы пойти навстречу Н.С. Хрущеву – так же как, я надеюсь, и он готов пойти навстречу нам. Мы не хотим, чтобы Кастро думал, что как только декларация будет подписана, он сможет действовать по своему усмотрению в Карибском районе. Не хочу, чтобы Кастро считал, что он может делать, что хочет, против других стран этого района.

А.И. Микоян. Получается, что Вы хотите получить контроль над действиями кубинского правительства. Но на каком основании? Если Вас беспокоит его «подрывная деятельность», давайте примем тогда предложение Кастро – договоримся по этому вопросу на многосторонней основе. Вы хотите, чтобы продолжалась подрывная работа против Кубы, и вместе с тем хотите оставить за собой «право» напасть на Кубу, если бы Кастро захотел ответить тем же. Это является отходом от позиции, изложенной в обмене посланиями. Вы говорите, что Кастро – ваш недруг. Это неправильно. Вы сами своими действиями можете превратить его в такового. Он предлагает Вам ликвидировать экономическую блокаду Кубы и вообще нормализовать отношения между США и Кубой. А Вы хотите сохранить экономическую блокаду так же, как и возможность вести против него подрывную деятельность. В посланиях речь шла лишь об одном условии – вывезти «наступательное оружие» и не ввозить его. Все остальное относится к сфере нормализации отношений. В таком же плане высказывается и Кастро...

Дж. Кеннеди замечает, что в посланиях ничего не было сказано о декларациях. Вам не нравятся формулировки. Продолжает Кеннеди, дайте свою формулировку. Но мы говорим прямо, что не нападём на Кубу. Кастро должен изменить свое поведение.

А.И. Микоян говорит, что сам Кастро заявляет, что он хочет жить в мире и хочет вести переговоры с США.

Дж. Кеннеди замечает, почему уже в таком случае Кастро не может согласиться на американскую формулировку?

А.И. Микоян. Такие условия, как «если правительство Кубы не будет...» оскорбительны для любой нации.

Дж. Кеннеди. Но заявления о ненападении – это тоже необычно.

Кеннеди далее спрашивает, будет ли Н.С. Хрущев согласен на формулировку этого положения примерно в таком виде: «Это обязательство теряет силу в случае завоза на Кубу ядерного оружия Китаем или какой-либо другой страной».

А.И. Микоян. Это совершенно другой вопрос, не имеющий к нам отношения.

Дж. Кеннеди говорит, что в декларации должны быть отражены следующие моменты: США остаются связанными положениями договора Рио-де-Жанейро, США получают гарантии того, что на Кубу в будущем не будет завезено наступательное оружие, что Кастро может рассчитывать на гарантии о ненападении, если он будет воздерживаться от ведения подрывной деятельности против своих соседей. Кеннеди замечает, что А.И. Микоян много времени провел на Кубе, а ему, Кеннеди, дает слишком мало времени. Поэтому было бы целесообразно продолжить переговоры Кузнецова и Макклоя в Нью-Йорке. Кеннеди добавляет, что Советскому союзу нечего опасаться относительно нападения на Кубу. Нам, продолжает Кеннеди, пока еще не удалось договориться о системе гарантий неввоза наступательного оружия на Кубу. Вы выступаете против полетов над Кубой, которые мы проводим в этих целях. Давайте продолжать переговоры и, возможно, мы найдем согласованное решение.

А.И. Микоян говорит, что он согласен с духом высказываний президента, но должен отметить, что, не договорившись по основному вопросу, США пытаются поднимать другие вопросы. Основным вопросом, как это записано в обмене посланиями, является гарантия ненападения. Мы выполнили наши обязательства в отношении ракет и вывезем бомбардировщики. Получается, что было легче осуществить фактические мероприятия, чем оформить их словесно. Нельзя выдвигать новые положения в качестве условий предоставления Кубе гарантий, нельзя включать положения о полетах самолетов над кубинской территорией без согласия правительства Кубы. Положения же о нормализации

обстановки должны быть общими для всех стран этого района. Если Кеннеди даст соответствующие правильные инструкции Макклою и Стивенсону, будет возможен реальный прогресс в переговорах. А.И. Микоян спрашивает у Кеннеди: «Что я могу доложить Н.С. Хрущеву? Придерживается ли правительство США по-прежнему формулировок, закрепленных в обмене посланиями, или нет?»

Дж. Кеннеди отвечает, что США не будут вторгаться на Кубу и что они не отходят от позиции, изложенной в посланиях, и выражают надежду, что Советский Союз поступит так же. Как я уже говорил, продолжает Кеннеди, США не нападут на Кубу сами и не позволят сделать это другим...

Дж. Кеннеди замечает далее, что СССР и США в основном прошли кубинский кризис, но сохраняется опасность того, что интересы этих крупнейших и самых богатых держав мира могут прийти в непосредственное столкновение в других частях мира и вызвать опасность военного столкновения.

А.И. Микоян спрашивает, не считает ли и президент, что этим целям служило бы как раз заключение пакта о ненападении между странами НАТО и Варшавского Договора. Это разрядило бы обстановку в одном из самых важных районов мира – в Европе.

Дж. Кеннеди замечает, что в условиях, когда в Латинской Америке, Китае, Азии люди нуждаются во многом, глупо для Советского Союза и США тратить силы и средства на запугивание друг друга. В этих условиях и 30 договоров о ненападении не помогут, если СССР будет считать революцию в других странах своим собственным делом, не считаясь с особыми интересами США в некоторых районах мира, например, в Латинской Америке.

Дж. Кеннеди, возвращаясь к вопросу об имевшем место ввозе советских ракет на Кубу, спрашивает А.И. Микояна в полушутливой-полусерьезной форме, спал ли бы он спокойно, если, скажем, в Финляндии неожиданно оказалось 100 ракет, направленных против Советского Союза.

А.И. Микоян отвечает, что в СССР спят спокойно, несмотря на то, что совсем рядом, а говоря точнее, неподалеку от его родины – Армении, расположены американские военные базы в Турции, потому что знают, что эти ракеты находятся в руках американцев, а они хорошо информированы об ответных возможностях советских ракет. Скоро вам придется эти базы ликвидировать.

Дж. Кеннеди замечает, что он придерживается мнения, что американские ракетные базы в Турции и Италии не имеют большого смысла. Уже около 20 месяцев изучается вопрос, целесообразно ли дальнейшее сохранение этих баз.

В заключение беседы А.И. Микоян передает Дж. Кеннеди привет и наилучшие пожелания здоровья от Н.С. Хрущева».

Х Х Х

Стенографический отчет о встрече А.И. Микояна с президентом США Дж. Кеннеди 29 октября 1962 года является во многих отношениях уникальным документом. На мой взгляд, он ценен не только для историков и политологов. Ход дискуссии, уверенная и последовательная позиция А.И. Микояна могут служить образцом для подражания для политиков и дипломатов современной России в сложном и ответственном деле - отстаивании интересов Отчества и наших союзников в «дипломатическом поединке» с Соединенными Штатами Америки и сегодня.

Заключительное заседание конференции: конфуз под занавес

После короткого перерыва бразды правления на последнем заседании конференции взял в свои руки Хосе Фернандес. После нескольких слов о регламенте работы он призвал участников сосредоточить внимание на уроках Карибского кризиса для современности.

Задавая тон, Хосе Фернандес отметил, что кризис, к сожалению, не стал началом процесса разоружения в мире, процесса политического диалога, направленного на поиск решения серьезных проблем современности. Наоборот, спираль гонки вооружений раскрутилась еще сильнее, ядерное оружие начало «расползаться» по всему миру, возросло число опасных, жестоких конфликтов.

«После печально известных актов 11 сентября, - сделал вывод председательствующий, - эти проблемы усугубились. Под предлогом борьбы с терроризмом была создана доктрина, направленная на внедрение любой ценой американского господства над всем человечеством. 20 сентября 2001 года президент Дж. Буш заявил, что тот, кто не поддерживает американские усилия в борьбе с терроризмом, сам будет считаться террористом и подвергнет себя риску военного удара со стороны США».

Другой урок Карибского кризиса, как отметил Хосе Фернандес, связан с понятием «холодной войны», точнее – ее окончания. «В отношении Кубы, подчеркнул он, - американская политика идет по пути ужесточения «холодной войны», которая, кстати, не такая уж и «холодная». Человечество возлагает свои надежды на американский народ, который, говоря словами Фиделя Кастро, является единственной силой, способной надеть смирительную рубашку на тех фанатиков у власти, которые насаждают враждебность и атмосферу войны. Однако эта реальность не должна порождать у нас пессимизм в отношении будущего. Как показывает история, борьба за благородные цели не раз оканчивалась победой вне зависимости от могущества противостоящих ей сил».

После этого вступления Хосе Фернандес предоставил слово одному из главных участников Карибского кризиса, главе американской делегации на конференции Роберту Макнамаре.

Бывший американский министр обороны, внимательно слушавший все выступления участников конференции, вновь подчеркнул важность проведения подобных мероприятий, искреннего и глубокого обмена мнениями по самым сложным и противоречивым аспектам прошлого. «Эти встречи должны послужить хорошим уроком для нас, для русских и всего мира», - заявил он.

Важнейший урок Карибского кризиса, по словам Р. Макнамары, состоит в том, что нельзя предавать забвению уроки прошлого. Исследование прошлого – это удел историков и специалистов, однако извлечение уроков для современности и на будущее – это задача политиков. Очень печально, если «не применяются на практике уроки, вынесенные из прошлого, а это как раз сейчас и происходит».

Важный урок Карибского кризиса, как отметил Роберт Макнамара, заключается также в том, что политики и военные при принятии решений должны «ставить себя на место наших противников». Понимание мотивов, причин тех или иных действий и акций противной стороны помогает снять напряженность, разрешить даже самую сложную ситуацию. Примером этого как раз и был Карибский кризис.

Основываясь на своем опыте, когда он руководил министерством обороны США, Роберт Макнамара подчеркнул, что военные операции по своей сути представляют собой очень сложные явления, сопряженные с неизвестностью, искаженными оценками, ошибками и провалами. Начиная военную акцию, невозможно четко знать, к чему она может привести. И это обязывает военное руководство и политиков очень внимательно и тщательно подходить к планированию и проведению военных акций. Надо учиться на ошибках, чтобы избежать их в будущем.

«Политики – обычные люди, - подчеркнул Р. Макнамара, - а людям свойственно делать ошибки. Но все дело в том, что в ядерном мире нет места для ошибок. Ни у кого не будет шанса исправить свою ошибку, если ядерное оружие будет применено. Вы делаете всего одну ошибку – и уничтожаете нацию. И это особенно актуально и опасно в сегодняшнем насыщенном ядерными арсеналами мире».

В качестве примера ошибок, которые неизбежны в любой войне и операции, Роберт Макнамара привел несколько эпизодов, связанных со «случайными» потерями в Афганистане в 2002 году от так называемого «дружественного огня». Неверная информация, ошибки военного планирования привели к гибели мирного афганского населения, жертвам среди военного контингента западных союзников. Макнамара имел в виду широко тогда обсуждавшийся случай, когда удару подверглась мирная свадебная процессия, в результате чего более 40 афганцев погибли и свыше 100 получили ранения.

В тот самый момент, когда Р. Макнамара произносил эти слова, его прервал из зала Дино Бруджиони, бывший аналитик ЦРУ США, занимавшийся в прошлом дешифрированием аэрофотоснимков: «Господин Макнамара, вы никогда не были в настоящем бою, и Вы ни черта не понимаете, что это такое. Я поддерживаю наши войска, они сделали ошибки, но сделали их непреднамеренно».

Сделав это политическое заявление, Бруджиони резко встал и быстрым шагом покинул зал заседаний. Вслед за ним к выходу из зала в знак протеста устремился Уильям Эккер, отставной военный летчик, бывший пилот самолета-шпиона U-2. Получился явный демарш, которого сам Р. Макнамара, похоже, никак не ожидал.

«Но ведь Вы сами подтверждаете мою мысль, - хрипло бросил он в спину уходившим. – На войне никто не застрахован от ошибок. Об этом-то я как раз и говорил».

Замять скандал, обратить его в шутку на правах хозяина попытался Фидель Кастро: «Это – маленький кризис в отношениях. Господин Макнамара, Вы должны были быть готовы к этому. Главное, чтобы кризис решался без применения оружия». Однако даже у Фиделя шутки получились плоскими. А в это время Роберт Макнамара, завершив свое выступление, встал из-за стола и пошел по залу. Фидель совсем обескуражено произнес: «Господин Макнамара, и Вы тоже уходите? Погодите, не волнуйтесь...»

Сгорбившийся Макнамара, к удивлению всех собравшихся, направился не к выходу, а к столу кубинской делегации. Обойдя практически весь зал по периметру, бывший министр обороны США, давний противник кубинского лидера подошел вплотную к сидящему Фиделю Кастро. Фидель встал ему навстречу, раскрыл свои знаменитые объятия, и Макнамара, не скрывая своего порыва, искренне обнял своего оппонента. Сцена была действительно трогательной. Потрясая руки, похлопывая друг друга по плечам, два политика, представителя двух непримиримых миров, нарушив всякий протокол, обменивались любезностями.

Ф. Кастро пригласил Макнамару на очередной, 50-летний юбилей Карибского кризиса, до которого оставалось ждать всего 10 лет. В той же шуточной манере Роберт Макнамара, которому тогда исполнилось 86 лет, махнул рукой и сказал, что будет рад присутствовать на будущем мероприятии, «спустившись из ада».

Так же внезапно Макнамара отошел от кубинского вождя, подошел к столу с представителями российской делегации. Он пожал руки каждому из нас, а затем, взяв свой портфель и больше ни с кем не прощаясь, резко вышел из зала. Р. Макнамара торопился на самолет.

Заседание после этих событий оказалось скомканным. И опять надо отдать должное такту и дипломатическому таланту Фиделя. В своей обычной полушутливой манере он указал пальцем на Тома Блэнтонна из Архива национальной безопасности и изрек: «Теперь Вы остаетесь во главе войск. Во главе американских войск».

Выждав паузу Фидель Кастро, настроившись на серьезный лад, начал подводить предварительные итоги конференции.

Прежде всего, кубинский руководитель поблагодарил американских организаторов международной встречи за проделанную ими работу. Архив национальной безопасности США проделал действительно титаническую работу по сбору, публикации и анализу документов из архивов США, России и Кубы. Эти документы посвящены Карибскому кризису, который был одним из самых опасных для человечества международных кризисов XX века. Осмысление того кризиса, его уроков и последствий – огромная по

важности и значимости задача, стоящая не столько перед историками, сколько перед политиками и государственными деятелями всех стран. И в нынешнем мире есть потенциал возникновения новых кризисов, поэтому уроки прошлого очень полезны сегодня.

Затем Фидель Кастро выразил надежду, что подобное мероприятие повторится через десять лет, когда три стороны-участницы Карибского кризиса соберутся вместе на 50-летию того события. Только что он говорил об этом с Робертом Макнамарой, когда два ветерана обнимали друг друга. Рассказывая об этом участникам конференции, Фидель с улыбкой охарактеризовал бывшего американского министра обороны: «Я тоже приглашал его принять участие в конференции через десять лет, и Макнамара пообещал «спуститься из ада». Как будто он не знает, что ад находится внизу, а не наверху, и из него не спускаются, а поднимаются... Как бы то ни было, как бы ни складывалась обстановка, мы должны поблагодарить Роберта Макнамару за его участие и выступления. Это была мужественная позиция, смелое и искреннее выступление».

Со словами благодарности за сотрудничество Фидель Кастро обратился к «бывшим советским, а ныне российским участникам конференции». По его словам, позиция российской делегации отличалась, с одной стороны, четкостью и ясностью, а с другой – глубочайшей искренностью. «Мы благодарны генералу А.И. Грибкову за мужество и честность, которые он проявил в своих выступлениях за два дня работы конференции», – подчеркнул Фидель Кастро. И эта оценка дорогого стоила!

Фидель еще долго говорил о важности изучения истории, роли и ответственности тех, кто изучает и анализирует события прошлого. От их объективной, непредвзятой позиции и профессионализма зависит правильность выводов, которые человечество извлекает из уроков прошлого.

Постепенно выступление Фиделя органично перешло к проблемам современности: разделению мира на бедные и богатые страны, несправедливости в мире, игнорированию сильными державами интересов слабых и небольших государств. Обстановка в мире значительно изменилась после распада мировой социалистической системы, и Куба почувствовала это, как ни одна другая страна мира. Прекратились поставки советских грузов и товаров на Кубу, сократилась торговля, американское эмбарго по-прежнему остается в силе. Как можно было выжить Кубе в таких условиях? И, тем не менее, кубинцы перестроились, сохранили свой внутренний стержень – культуру, свободолюбивый дух, организованность и веру в свои силы. Куба нашла новых партнеров, но не отказалась от своих идеалов.

Мир изменился, но стал ли он справедливее и безопаснее? По словам Фиделя Кастро, вряд ли ответ на этот вопрос может быть позитивным. Сегодня человечество столкнулось с таким страшным явлением, как терроризм, от воздействия которого не застрахована ни одна страна мира. Безопасность в мире невозможно обеспечить односторонними мерами. Одна держава, даже самая могущественная, не может гарантировать мир во всем мире. Более того, преследуя свои интересы, эта держава только усугубляет и без того сложную ситуацию в мире.

Заключительная часть выступления кубинского лидера было посвящено сегодняшней Кубе. Возвращаясь в воспоминаниях к событиям прошлого, Фидель подчеркнул: «То был тяжелый период для нашего социалистического государства, тяжелое испытание. Истина заключалась в том, что наш народ должен был противостоять давлению Запада. В отличие от многих других стран, которые не смогли бороться с экономическими трудностями, наша страна справилась с ними и вышла победительницей. Всем этим мы обязаны нашему народу, который смог вместе с государством пройти через все препятствия на пути Кубинской революции. Сегодня мы твердо уверены в том, что наша страна находится на новом историческом этапе. Прогресс наблюдается во всех сферах жизнедеятельности нашего государства».

Несмотря на все экономические трудности, испытываемые нашей страной, мы не перестаем открывать новые учебные заведения для нашей молодежи. Уровень образования на Кубе ничем не хуже, чем в США. У нас гораздо меньше случаев отчисления студентов из университетов. В отличие от американской системы, наше образование бесплатно для студентов.

Мы сегодня имеем почти миллион человек с высшим образованием. В одной только нашей Латиноамериканской медицинской академии у нас обучаются шесть тысяч студентов. Ныне около трех тысяч кубинских медицинских специалистов работают в странах Центральной и Южной Америки, Африки, государствах третьего мира. Недавно мы направили группу наших врачей в Никарагуа. Они не просто преподают в столичном университете, не просто оказывают медицинскую помощь нуждающимся. Они делают это абсолютно бескорыстно. Мы всегда готовы помочь любому, кто обратится к нам за помощью, и мы будем делать это бескорыстно. Мы готовы отправить специалистов, подготовленных в нашей стране, в любую точку земного шара, если нас об этом попросят.

За прошедший год наше сельское хозяйство получило 140 млн. долларов, министерство путей сообщения, благодаря подписанным контрактам, получило 113 млн. долларов. Подчеркиваю, все это имеет место в условиях действия эмбарго, которое мы, на Кубе, называем блокадой и квалифицируем как экономическую войну США против нас.

Эта блокада была введена для того, чтобы воспрепятствовать любым экономическим отношениям Кубы с другими странами мира, но мы смогли противостоять этому испытанию. На данный момент цена топлива у нас в 30 раз дешевле, чем во время пика революции. Цена на сахар упала в 30 раз.

Сахарная промышленность в нашей стране находится на подъеме. Мы подписали контракт с Индией на поставку сахара. Полным ходом идет освоение новых земель под посадку сахарного тростника.

Несмотря на экономическую блокаду, наша страна все равно процветает за счет своих природных ресурсов. Ботсвана, например, страна с богатейшими природными ресурсами, находится в полном экономическом развале, на грани краха.

Сегодня многие в мире задумываются над глобальными проблемами человечества. Люди продолжают уничтожать друг друга, ядерное оружие сохраняется, во многих странах третьего мира царит голод. От 30 до 40 миллионов человек умерли от голода за последние 100 лет. Тысячи детей вынуждены работать, чтобы выжить и обеспечить кусок хлеба своей семье. 12 миллионов детей в возрасте от 1 месяца до 7 лет могли бы быть спасены. Я думаю, что в мире существует достаточно ресурсов, которые можно было бы применить, чтобы избавить человечество от голода и от других масштабных проблем, таких как некоторые смертельные заболевания, лекарств от которых у нас пока нет. Наша страна будет стремиться к развитию медицинской отрасли не только в интересах нашего народа, но и для того, чтобы помогать нуждающимся во всем мире.

Все мы помним, что после октябрьского кризиса 1962 года многие страны обещали нам помощь. Прошло уже сорок лет, а наша страна преимущественно в одиночку справляется с последствиями того кризиса. Разные администрации, приходившие к власти в Вашингтоне, высказывали разные точки зрения на отношения с Кубой. Но никаких изменений не последовало. Куба уже сорок лет находится в экономической блокаде, хотя ракетные установки, из-за которых, как говорят наши американские гости, начался кризис, были полностью демонтированы за два года. Таким образом, последствия событий сорокалетней давности по-прежнему ощущаются Кубой в полной мере».

Больше часа продолжалась эмоциональная речь Фиделя Кастро, в которой он затронул многие аспекты и последствия Карибского кризиса.

Осветил ли он все уроки Карибского кризиса? Безусловно, нет. Его выступление отразило кубинские взгляды на события тех тревожных лет, это было кубинское видение проблем, оставшихся в наследство от прошлого. У нас, российских участников

конференции, было, естественно, свое видение, свои «болевы точки», которые имели для нас принципиально важное значение.

И все же мероприятия, подобные гаванской конференции 2002 года, безусловно необходимы. Это – не только форумы историков и ветеранов, это не просто воспоминания о прошлом. Каждая международная встреча, посвященная Карибскому кризису, приоткрывает новые и новые аспекты того кризиса, проливает свет на новые ракурсы проблемы. Другое дело, что опыт истории не должен быть только прерогативой историков, изучающих прошлое. Действующие политики должны повернуться лицом к этому опыту. Им вверены судьбы людей, наций и государств, судьбы мира, наконец. И очень обидно бывает, когда к власти приходят самоуверенные, не отягощенные интеллектом, бессовестные и безответственные лидеры. Разрушая все вокруг, они напрочь отбрасывают опыт истории, а наломав дров – списывают все на то, что ошибки в любом сложном деле неизбежны. Правда, народ эти ошибки называет преступлениями.

Видно, прав был великий русский философ и историк В.О. Ключевский, когда произнес свои пророческие слова: «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Вот только страдает в результате этого наказания, к сожалению, простой народ...

О многом думалось тогда, в октябре 2002 года, когда мы слушали заключительное выступление Фиделя Кастро. Наступит ли такой день, когда американские и кубинские политики сядут за одним столом, обсудят все проблемы и найдут приемлемое решение всех проблем? Ясно только одно: Куба давно и искренне открыта для этого, однако Вашингтон «держит паузу». Долгую «паузу». Трудно поверить в то, что виновниками такого положения являются силы кубинской контрреволюции в Майами, как это пытались обосновать представители американской делегации. Нет, дело – в другом. Американцы никогда не смогут простить Фиделю Кастро его независимую, смелую, самостоятельную позицию. Революционная Куба – это вызов американскому образу жизни, американским ценностям и понятиям, американскому зазнайству и самоуверенности.

Выступление кубинского лидера знаменовало собой формальное окончание международной научной конференции, однако со стороны американской делегации вдруг раздался голос: «Я хочу сделать заявление!»

Фидель взглянул в сторону реплики. Это был Дино Бруджиони, вернувшийся в зал в ходе заключительного выступления кубинского руководителя. Не дать слово организатору демарша было нельзя.

Пока Бруджиони отсутствовал, он успел написать короткий текст. Взяв в руки листок бумаги, бывший кадровый разведчик ЦРУ США зачитал:

«Политики, находящиеся у власти, должны говорить правду. Они несут за это ответственность. Разведывательные данные бывают и хорошие и плохие. Я обеспокоен тем, что в министерстве обороны США сегодня существует тенденция скрывать реальную информацию.

В прошлом я неоднократно присутствовал на совещаниях в министерстве обороны. Если что-то было не так, были сомнения, то вставал человек и говорил: «Я несу за это ответственность и приму необходимые в связи с этим меры». А вот сейчас, 50 лет спустя, в министерстве обороны США появилась тенденция укрывательства, замалчивания.

Во время войны во Вьетнаме я отвечал за обработку разведывательной информации, полученной со спутников. Я присутствовал на совещаниях и брифингах, как хороших, так и плохих. Шла война, брифинги вел Макнамара, так как это была его обязанность как министра обороны информировать президента. В конце своих выступлений он всегда помещал хорошую информацию, заверяя, что все идет успешно. А разведка сообщала о противоположном. Как-то раз я подошел к нему и сказал, что это неправильно, что он не показывает президенту истинного положения дел. На это он ответил, что ответственность за информацию несет министерство обороны. Я вновь сказал ему, что это неправильно. В

ответ Макнамара сказал, что согласен со мной, но президент приходит в ярость, получая плохие вести.

Получается, что Макнамара нес ответственность за предоставление президенту необъективной информации, что присело к затяжной войне и гибели большого количества американских солдат. В то время Макнамара был министром обороны США.

Во время военных действий бывают ошибки, но большинство из них совершаются не солдатами, а их командирами. А зачастую ошибки совершают не столько боевые командиры, сколько высокие начальники, сидящие в своих комфортабельных кабинетах.

Кто отдал приказ о бомбардировке цели, которая являлась всего-навсего свадебной церемонией?

Кто-то в министерстве обороны совершил эту ошибку. И я обеспокоен тем, подчеркиваю, это мое личное мнение, что высокие начальники в штабе в Тампе, штат Флорида, сидя в своих оборудованных кондиционерами удобных офисах, слабо понимают, что происходит в реальности в Афганистане. А солдат, получивший приказ, не в праве не подчиниться. Он идет и выполняет свой служебный долг.

В любом случае, когда происходит ошибка, я принимаю сторону простого солдата!»

На минуту в зале воцарилась тишина. Первым отреагировал Фидель Кастро. Он, похоже, был доволен, что конфликт внутри американской делегации был преодолен, и конференция без всяких эксцессов благополучно подошла к концу.

«Каждый имеет право на выражение своей позиции и отстаивание своих взглядов...», - глубокомысленно заметил Фидель, то ли комментируя слова Д. Бруджиони, то ли размышляя о чем-то своем.

Размышления и воспоминания

В авангарде мировой революции»

Мне за годы моей службы приходилось много общаться с кубинскими военными – солдатами, офицерами и генералами. Прямо могу сказать, что лучших солдат нужно поискать. К 70-м годам XX века вооруженные силы Кубы, благодаря советской военной помощи, стали самыми боеспособными и боеготовыми во всей Латинской Америке. Кубинские войска активно действовали в разных регионах мира, прежде всего в Африке и, конечно же, в Западном полушарии. Везде, где шла национально-освободительная борьба, кубинцы действовали плечо к плечу со своими советскими товарищами.

Это по многим причинам устраивало Советский Союз.

Эпоха «холодной» войны имела свои определенные «правила». Две сверхдержавы - Советский Союз и США - не всегда и не везде могли использовать свои вооруженные силы. По крайней мере, обе стороны стремились ни в коем случае не допустить прямой конфронтации. В 1950 году, когда началась война в Корее, СССР не пошел на прямое военное вмешательство в конфликт, хотя и советские летчики, и зенитчики, и специалисты других родов войск наряду с северными корейцами и китайцами вели активные боевые действия. Сталин опасался тогда прямой военной конфронтации с США. При наличии ядерного оружия в арсеналах обеих сторон слишком высока была опасность возникновения атомной войны.

Эти же соображения, так или иначе, оказывали воздействие на внешнюю политику Советского Союза и после смерти Сталина. Военная помощь, направление военных советников и специалистов, поставки вооружений – все это было допустимо. Автомат Калашникова стал даже своеобразным символом борьбы за свободу во многих странах мира.

После второй мировой войны, когда десятки стран мира начали борьбу за свое национальное освобождение, пример Кубы стал для многих государств ярким примером. Именно поэтому многие из них прибегали к помощи кубинских частей. А смуглый или

черный цвет кожи многих кубинцев как бы привносил в эту борьбу еще и расовый элемент. Кубинские солдаты, потомки завезенных на Американский континент рабов, приходили на помощь своим братьям в Африке для того, чтобы свергнуть колониальное рабство и добиться свободы. И хоть об этом открыто не говорилось, но сама идея как бы витала в воздухе.

Активное кубинское участие в мировом национально-освободительном движении в странах Латинской Америки, Африки и Азии вовсе не было вызвано послушным следованием Кубы в фарватере советской внешней политики. Такой подход, на мой взгляд, слишком упрощенный. У Кубы, кубинского народа и руководства страны был свой собственный счет к империализму, к Соединенным Штатам Америки. Успех революционной борьбы на Кубе продемонстрировал всем обездоленным и угнетенным странам мира, что освобождение родины – возможно, но за это надо сражаться.

Один из наиболее ярких и авторитетнейших вождей Кубинской революции Эрнесто Че Гевара писал: «Если бы все латиноамериканские народы подняли знамя борьбы в защиту собственного достоинства, как это сделала Куба, то пошатнулись бы основы монополий; они вынуждены были бы смириться с новой политической и экономической ситуацией и навсегда расстаться со значительной частью своих прибылей... Каждый раз, когда какая-либо истерзанная страна бросает клич освобождения, - обвиняют Кубу. И в некоторой степени Куба повинна в этом, ибо именно она указала путь - путь вооруженной народной борьбы против якобы непобедимых армий, путь борьбы в сельской местности с целью измотать и уничтожить противника за пределами его баз, короче говоря, указала путь борьбы в защиту собственного достоинства».

В своей знаменитой книге «Партизанская война», написанной вскоре после победы Кубинской революции и ставшей своеобразной «библией» для повстанческих, национально-освободительных движений и организаций во всех странах третьего мира, Че Гевара сделал поучительные выводы:

«Победа кубинского народа над диктатурой Батисты... опрокинула устаревшие представления о народных массах Латинской Америки, наглядно продемонстрировав способность народа путем партизанской борьбы освободиться от правительства, которое его угнетает».

Мы считаем, что из опыта кубинской революции следует извлечь три основных урока для революционного движения на латиноамериканском континенте:

- 1) народные силы могут победить в войне против регулярной армии;
- 2) не всегда нужно ждать, пока созреют все условия для революции - повстанческий центр может сам их создать;
- 3) в слаборазвитых странах американского континента вооруженную борьбу нужно вести главным образом в сельской местности».

В начале 60-х годов, казалось, ожидания вот-вот готовой начаться всеобщей латиноамериканской революции не были беспочвенными. Революционная пропаганда и агитация получила широкое распространение среди крестьянских масс стран Центральной и Южной Америки. Партизанские отряды возникли в Колумбии, Венесуэле, Перу и Гватемале. Революционная Куба не только поддерживала их своим примером, но и оказывала активную практическую помощь. В начале 60-х годов в Гаване взяли курс на «экспорт революции».

Хочу привести некоторые малоизвестные факты. В марте 1962 года Рамиро Вальдес, возглавлявший кубинские спецслужбы, посетил Советский Союз, где имел встречи с руководством КГБ СССР. Кубинцы приехали тогда с предложением: создать на Кубе советский разведывательный центр, который бы занимался подготовкой партизанских кадров для стран Латинской Америки. В донесении Председателя КГБ В. Семичастного в ЦК КПСС от 4 апреля 1962 года отмечалось: «Рамиро Вальдес сказал, что Фидель Кастро, которому он доложил об итогах своих переговоров в Москве, оценил положительно результаты поездки кубинской делегации, несмотря на то, что в Москве не приняли

линию, которую он (Вальдес) предложил руководителям советской разведки по вопросам политики Советского Союза и Кубы в странах Латинской Америки.

Важнейшими вопросами переговоров в Москве Вальдес считает кубинское предложение об организации советского разведывательного центра на Кубе. Разведывательный центр, заявил Вальдес, был бы ближе к латиноамериканским народам, которые проживают в большой нищете и, будучи весьма неприветливыми и выносливыми, могли бы быть превосходными партизанами. А для того, чтобы поднять эти народы на борьбу, по мнению Вальдеса, необходимо создать центр советского влияния в Латинской Америке.

Отрицательное отношение руководства разведки Советского Союза к этому предложению Вальдес рассматривает как различный подход к данному вопросу со стороны СССР и Китая...

«Я не могу себе представить, - заявил Вальдес, - чтобы советская разведка занималась только сбором информации. Если это так, то кто же тогда помогает международному революционному движению?»

По мнению Вальдеса, работу по оказанию помощи революционному движению должна проводить только разведка, а не дипломаты. Чтобы подтвердить свое мнение, Вальдес высказал предположение, что советская разведка якобы участвует даже в таких делах, как срыв успешных запусков американских ракет в космос».

Вернувшись в Гавану из Москвы с «пустыми руками», Р. Вальдес с ведома политического руководства страны начал действовать самостоятельно. Об этом В. Семичастный докладывал в ЦК КПСС 14 апреля того же 1962 года:

«ЦК КПСС

4 апреля 1962 г.

№ 903-с

В дополнение к ранее сообщенным сведениям докладываю о высказываниях министра внутренних дел Кубы Рамиро ВАЛЬДЕСА в беседе с представителем КГБ в Гаване по вопросу подготовки на Кубе партизанских групп для организации партизанского движения в странах Латинской Америки.

ВАЛЬДЕС заявил, что кубинские друзья решили на данном этапе «все делать сами», хотя возможны и ошибки из-за неопытности. В дальнейшем, когда дело примет серьезный оборот, а также определится положение в той или иной латиноамериканской стране и потребуется более серьезная помощь, Объединенные революционные организации (ОРО) будут информировать об этом ЦК КПСС.

ВАЛЬДЕС далее сообщил, что, по указанию Фиделя КАСТРО, подготовкой партизанских групп на Кубе занимается только секретариат ОРО, каждый член которого имеет свои четко определенные задачи, и что поэтому он не может информировать представителя КГБ о проводимой работе.

По словам ВАЛЬДЕСА, Ф. КАСТРО принял решение, согласно которому в целях сохранения тайны подготовка партизанских групп возложена полностью на министерство внутренних дел и конкретно на ВАЛЬДЕСА и его двух заместителей ПИНЕЙРО и АБРАНТЕСА. В известной степени, сказал ВАЛЬДЕС, мы учли замечания руководства советской разведки о том, что работой в общем плане руководит партия, а практическое исполнение конкретных задач поручается разведке, так как именно она располагает для этого необходимыми возможностями.

В ходе беседы ВАЛЬДЕС коснулся проблемы мирного сосуществования. Он сообщил, что кубинские друзья согласны с принципами мирного сосуществования, однако, по их мнению, это не означает, что не нужно оказывать помощь национально-освободительному движению и, прежде всего, своим же братьям латиноамериканцам. «Мы не собираемся развязывать ни локальную, ни тем более мировую войну. Для нас это

опаснее всего, так как мы здесь – под боком империализма, но помогать братским народам мы должны», - заявил ВАЛЬДЕС.

Представитель КГБ сообщает, что в течение последних трех месяцев основное внимание руководства разведуправления МВД было сосредоточено на подготовке партизанских групп, прибывающих на Кубу из Венесуэлы, Гватемалы, Доминиканской Республики, Эквадора, Перу, Боливии, Парагвая, Панамы, Гондураса, Никарагуа и других латиноамериканских стран, и выводе их в эти страны. Данные о числе подготавливаемых партизан, программе их обучения, а также о лицах, проходящих подготовку, кубинцы держат в секрете. Подготовка партизан проводится в большой спешке (3-5 дней). Общее руководство подготовкой возглавляет Фидель КАСТРО, который лично инструктирует по этим вопросам руководителей МВД. Основное внимание резидентур кубинской разведки в латиноамериканских странах в настоящее время сосредоточено на выполнении заданий по организации партизанского движения, в связи с чем работа по вербовке агентуры в целях добычи информации и проведению активных мероприятий срывается.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
В. СЕМИЧАСТНЫЙ»
X X X

В 1966 году Фидель Кастро провозгласил, что партизанская борьба – это единственный путь, следуя которым страны Латинской Америки могут добиться освобождения. «В чем мы убеждены, - летом того года писал он в газете «Гранма», - так это в том, что в огромном большинстве латиноамериканских государств существуют условия для свершения революций, намного превосходящих ту, что произошла на Кубе, и что если эти революции не свершатся в этих странах, то только из-за недостатка убеждений у тех, кто называет себя революционерами».

Для того, чтобы «разбудить» этих революционеров в других странах, Куба принимала самые активные меры, раздражая, кстати, тем самым Москву. Советское партийно-политическое руководство стояло на более умеренных позициях, веря в возможность достижения революционных преобразований в развивающихся странах парламентским, реформаторским путем.

Одним из наиболее убежденных революционеров-интернационалистов, веривших в возможность и целесообразность подталкивания революционной борьбы в других странах извне, был Эрнесто Че Гевара. Своим личным примером он претворял эту идею в жизнь в тропических лесах Африки и джунглях Латинской Америки. В 1965 году с небольшим отрядом ветеранов Кубинской революционной партизанской борьбы он уехал в Конго, где помогал партизанам Катанги бороться против правительства этой страны. В октябре 1967 года в Боливии, далеко от ставшего родным Острова Свободы, аргентинский врач, идеалист и мечтатель Че нашел свой трагический конец.

В бою с боливийскими рэйдерами отряд Че попал в засаду и практически полностью был уничтожен. Раненого команданте взяли в плен и по приказу американских спецслужб казнили. Руки Че Гевары в качестве доказательства расправы с революционером были отрублены и посланы в Вашингтон. Место захоронения Че и его товарищей было сровнено бульдозерами.

В 1997 году специальная экспедиция нашла это место, откопала останки Че Гевары и шести его товарищей и отправила их на Кубу. Там, в 300 километрах к востоку от Гаваны, в городе Санта-Клара, который Че освобождал в годы Кубинской революции, был сооружен величественный монумент-музей Эрнесто Че Гевары. Во весь свой 7-метровый рост над Санта-Кларой поднимается 23-тонная фигура легендарного революционера, одного из самых харизматических деятелей XX столетия. Убранство внутри мемориального комплекса строгое и простое: кусок джунглей, партизанское убежище, пещера. Ниша, в которой покоится гроб, освещена лучом света, падающим на стену, где висит красная звезда. Именно эту звезду носил на своем знаменитом берете Че...

Деятельность Кубы на международной арене в 60-80-е годы XX века вовсе не ограничивалась Западным полушарием. За тридцать лет кубинские военные выполняли различные «интернациональные миссии» в 13 странах мира. Они организовывали партизанские движения в Конго, Боливии, Аргентине, Венесуэле и Никарагуа, вели боевые действия в Анголе и Эфиопии, «присутствовали» на Гренаде, в Гвинее-Бисау, Сирии, Аргентине, Танзании и Мозамбике, охраняли президентов африканских стран и подавляли там военные перевороты. Среди тех, кто в прошлом выполнял «интернациональные миссии», - министр внутренних дел генерал А.К. Ибарра, начальник Генштаба Революционных вооруженных сил генерал У.Р. дель Торо, генеральный прокурор Республики Х.Э. Регера.

Наиболее активную роль кубинские войска сыграли в Анголе. Кубинский контингент в стране достигал 50 тысяч человек, на вооружении они имели 1500 танков и 150 самолетов и вертолетов. Опыт участия в боевых действиях в Анголе в разное время получили в общей сложности более 300 тысяч кубинских военнослужащих. По мнению генерала У.Р. дель Торо, для вооруженных сил Кубы этот опыт бесценен, так как «по крайней мере до 2015 года у нас будут в действующей армии и резерве люди с боевым опытом».

Участие кубинских войск в Анголе во всех отношениях было уникальной военной операцией. Для такой крошечной страны, как Куба, находящейся к тому в 14 тысячах километров от Анголы, создать такую мощную группировку вооруженных сил и организовать ее боевые действия было просто невыполнимым. Это было возможно только благодаря советской помощи, прежде всего материальной и технической. Однако воевали на юге Африки, а затем уже и на Африканском Роге кубинцы самостоятельно. Кубинские контингенты войск имели собственное командование. Советские военные советники и специалисты взаимодействовали с ними в Анголе или Эфиопии, но не имели полномочий командовать.

Кубинцы зарекомендовали себя настоящими воинами. Их отличали дисциплина и порядок, организованность, твердость управления и высокий профессионализм.

В период военных действий в Анголе Фидель Кастро, по отзывам Хуана Эскалопа Регера, лично вникал во все детали политической и военной ситуации в этой стране. В течение двух лет, ежедневно в обеденное время он навещал центральный командный пункт, где собиралась вся информация по Анголе. Фидель внимательно знакомился с боевыми сводками и донесениями, данными разведки, вместе с кубинскими штабистами анализировал ситуацию на фронте. Нередко он задерживался на командном пункте до самого утра. Руководство военной операцией в Анголе, равно как и всю ответственность за ее ход и исход, кубинский лидер полностью взял на себя.

Хуан Регера в своих воспоминаниях приводит такой факт: «Месяцами Советы не имели представления, что мы делали в Анголе. Когда мы приехали на XXV съезд КПСС, при мне были шифры и карты... Как-то мы пригласили к себе в резиденцию маршала Андрея Гречко, министра обороны СССР. Фидель рассказывал ему о топографии региона, что там растет, насколько засушливые земли, давал характеристики рек. В какой-то момент Гречко не выдержал и воскликнул: «Как же плохо работает советская разведка! Я и не знал, что ты был в Анголе». Фидель объяснил ему, что никогда не был в Анголе. Тогда Гречко спросил: «А откуда ты знаешь, что земли там песчаные и мало растительности? Откуда о реках все знаешь?» «В этом заключается работа по поддержанию взаимодействия», - ответил ему главнокомандующий».

Подробный и интересный экскурс в географию кубинской интернациональной помощи в 60-80-е годы дал в своем выступлении 1 мая 2003 года Фидель Кастро:

«Ни в каком другом народе настолько не укоренился дух международной солидарности. Наша страна поддержала алжирских патриотов в борьбе против французского колониализма ценой нарушения политических и экономических связей с такой важной европейской страной как Франция.

Мы посылали оружие и бойцов, чтобы защитить Алжир от марокканского экспансионизма, когда король этой страны хотел захватить разработки железных руд в Гара-Джебилет по соседству с городом Тиндуф на юго-западе Алжира.

В 1973-1975 годах по просьбе Сирии полный персонал танковой бригады был дислоцирован у Голанских высот, когда эта часть территории была незаконно отнята у этой арабской страны.

Нашу политическую поддержку получил лидер только что добившейся независимости Республики Конго Патрисио Лумумба, которого преследовали из-за рубежа. После его убийства колониальными державами в январе 1961 года мы оказывали поддержку его последователям.

Четыре года спустя, в 1965 году, кубинская кровь пролилась к западу от озера Танганьика, где Че и более ста кубинских инструкторов помогли конголезским повстанцам, боровшимся с белыми наемниками, которые находились на службе у Мобуту – человека, поддерживавшегося Западом, чьи 40 миллиардов ворованных долларов хранятся неизвестно в каких европейских банках и неизвестно кому принадлежат.

Кровь кубинских инструкторов пролилась, когда они готовили и поддерживали бойцов Африканской партии независимости Гвинеи и Островов Зеленого Мыса, которые под командованием Амилкара Кабрала боролись за независимость этих бывших португальских колоний.

То же происходило в течение десяти лет, когда Куби помогала МПЛА Агустиньо Нето в борьбе за независимость Анголы. После ее достижения и на протяжении 15 лет сотни тысяч кубинских добровольцев участвовали в защите Анголы от нападений южноафриканских расистских войск, которые в сговоре с Соединенными Штатами и используя методы грязной войны расставили миллионы мин, смели с лица земли целые селения и убили более полумиллиона ангольских мужчин, женщин и детей.

В Куито-Куанавале и ан границе с Намибией на юго-западе Анголы ангольские и намибийские силы и 40 тысяч кубинских солдат нанесли окончательный удар южноафриканским войскам, располагавшим в то время семью атомными бомбами, которые были поставлены Израилем или произведены с его помощью с ведома и при полном сообщничестве правительства Соединенных Штатов. Это означало немедленное освобождение Намибии и, возможно, ускорило на двадцать – двадцать пять лет конец апартеида.

В течение почти 15 лет Куба занимала почетное место в движении солидарности с героическим народом Вьетнама в период варварской, беспощадной войны, развязанной Соединенными Штатами, которые убили четыре миллиона вьетнамцев, не считая раненых и инвалидов войны; которые наводнили их землю химическими продуктами, причинившими неисчислимый ущерб, который чувствуется еще до сих пор. Предлог: Вьетнам – бедная, отсталая страна, расположенная в 20 тыс. километров от Соединенных Штатов, представляла угрозу для национальной безопасности этой страны.

Кубинская кровь пролилась вместе с кровью граждан нескольких латиноамериканских стран и вместе с кубинской и латиноамериканской кровью Че Гевары, убитого по указанию агентов Соединенных Штатов в Боливии, когда он был ранен и захвачен в плен, а его оружие было повреждено пулей в ходе боя.

Кровь кубинских рабочих-строителей, которые должны были вот-вот уже закончить международный аэропорт, жизненно важный для экономики крохотного острова, жившего доходами от туризма, пролилась в бою ради защиты Гренады, на которую Соединенные Штаты напали под циничными предлогами.

Кубинская кровь пролилась в Никарагуа, где инструкторы наших Вооруженных сил обучали отважных никарагуанских солдат, вынужденных отражать грязную войну против сандинистской Революции – войну, которую организовали и для которой поставили оружие Соединенные Штаты.

И я привел еще не все примеры.

Более двух тысяч героических кубинских бойцов-интернационалистов отдали свою жизнь при исполнении священного долга поддерживать освободительную борьбу за завоевание независимости других братских народов. Ни в одной из этих стран нет кубинской собственности.

В наше время в истории ни одной другой страны нет столь блестящей страницы искренней и бескорыстной солидарности.

Куба всегда проповедовала своим примером. Она никогда не капитулировала. Она никогда не предала дела другого народа. Никогда не шла на уступки. Никогда не изменила принципам».

Фидель абсолютно прав.

Везде, где действовали кубинские войска или военные советники, местные партизаны и повстанцы добивались впечатляющих успехов. Как профессионал, должен признать, что кубинцы везде воевали неплохо, очень грамотно и самоотверженно. В своем абсолютном большинстве они были настоящими интернационалистами, чистыми и преданными революционным идеалам людьми. Они были добровольцами, а не наемниками. Они воевали и погибали не в погоне за большими деньгами, а искренне желая помочь делу национального освобождения других стран и народов. Завоевав свою независимость, кубинцы готовы были жертвовать своими жизнями во имя счастья и свободы других народов в Африке, Азии. Латинской Америке.

Что это? Идеализм?

Да, возможно.

Но именно такой идеализм двигал нашими добровольцами в 30-е годы, когда они сложными путями пробирались в республиканскую Испанию сражаться против фашизма, когда помогали китайскому народу в борьбе против японского порабощения.

Такой идеализм был присущ нам, когда мы встали плечо к плечу с Революционной Кубой в кризисном 1962 году. В воздухе пахло войной и мы, советские солдаты, офицеры и генералы, готовы были умереть, защищая свободу и независимость Острова Свободы.

Такой идеализм в более ранней нашей истории двигал Россию на освобождение от турецкого османского ига наших братьев-славян...

Такой идеализм у нас в России всегда принято было называть героизмом.

Размышления и воспоминания

Коалиции, союзы, и союзники

Более четырех десятилетий прошло с тех дней, когда весь мир со страхом и тревогой следил за развитием событий в ходе Карибского кризиса. Твердая позиция Советского Союза на международной арене, героические усилия наших вооруженных сил, всеобъемлющая помощь и поддержка Кубе со стороны СССР и стран народной демократии сделали свое дело. Куба отстояла свой суверенитет и право на самостоятельную, независимую политику. Даже такая мощная во всех отношениях держава как США не смогла сломить народ Острова Свободы.

Это стало возможно только потому, что Куба была не одна. У нее были друзья и союзники, которые помогли ей в критическую минуту.

Феномен любви советских людей к далекой Кубе, поистине, удивителен. Революционная Куба была для нас символом мужества, стойкости, гордости и романтики. Образы «барбудос» - бородатых кубинских партизан во главе с Фиделем Кастро – будоражили сердца и умы советских людей. В 1962 году Александра Пахмутова написала вдохновенную песню на слова Сергея Гребенникова «Куба – любовь моя!», которая стала гимном советско-кубинской дружбы.

На мой взгляд, очень проникновенно и поэтически образно рассказал об отношении советских людей к героической Кубе В. Иванов, кстати, солдат моего полка в Ольгине.

Его стихотворение «Когда говорят о Кубе» было опубликовано в 1963 году в литературно-художественном сборнике «Кубинские встречи», подготовленном политуправлением Группы советских войск на Кубе и донныне хранящемся в моем архиве.

В. Иванов
«Когда говорят о Кубе»

Когда говорят о Кубе,
О людях ее прямых,
Во мне пробуждаются трубы
Конников – дедов моих.

Когда говорят о Кубе,
Сердце мое горит.
Во мне запевают трубы
Отцов, улетевших в Мадрид.

Когда говорят о Кубе,
Я зорко смотрю окрест:
Играют призывные трубы
Твоих трубачей, наш Брест.

Когда говорят о Кубе,
То в громе мирного дня
Мне слышатся жаркие трубы –
На подвиг зовут меня.

Я к мужеству гордых причастен,
И это во мне не умрет.
Привет тебе, Фидель Кастро!
Да здравствует твой народ!

Прошли десятилетия, звонкая песня «Куба – любовь моя!» перестала звучать в нашем эфире. Забыты клятвы верности, отвергнуты высокие принципы дружбы и взаимопомощи. Новая Россия стала чураться своих отношений с Островом Свободы.

«Вхождение в мировое сообщество», к чему нас так рьяно призывали на Западе и что так неуклюже делали наши политические руководители на протяжении 90-х годов XX века, означало предательство своих друзей и союзников во всем мире. Во имя подачки с американского «барского стола» Россия послушно пошла в фарватере Вашингтона. Даже когда американские бомбы падали на города и деревни Югославии, Великая Россия, надежда и защитница славян, ограничилась лишь позицией «несогласия» с военным решением югославской проблемы.

Предав своих друзей и союзников в Азии, Африке и Латинской Америке, мы не завоевали новых. Изменив себе, своему духу и национальному характеру, Россия взяла на вооружение известный принцип западной дипломатии: у государства нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, а есть только постоянные интересы. Вот только каковы они, наши интересы?

Не без подсказки с Запада, мы все наши международные отношения свели к меркантильному – долларовому – подходу. Возобладали провокационные лозунги типа: «Сколько можно кормить Кубу или Вьетнам!» Результат не замедлил сказаться. Порвав со всеми своими союзниками и друзьями, мы фактически заставили их отвернуться от нас и обратиться за поддержкой и помощью к другим странам. Своим поведением мы

оттолкнули даже таких верных и надежных союзников на международной арене как Монголия.

Хочу напомнить в связи с этим слова древнегреческого историка и философа Фукидида из его «Истории», написанной еще в V веке до нашей эры: «...не те нарушают договор, кто вследствие своей изолированности обращаются к другим, но те, которые не помогают союзникам, связанным с ними клятвой».

Глубокие слова, есть над чем задуматься в XXI веке нашей эры...

Государства вступают в военные союзы, преследуя определенные цели, стремясь обеспечить свою безопасность или, наоборот, объединить силы для агрессии. В связи с этим союзники могут быть временными и традиционными, надежными и ненадежными, сильными и слабыми. В годы второй мировой войны США, Великобритания, Франция вынуждены были пойти на союз с СССР, чтобы уничтожить фашизм. Не успели отгреметь залпы той войны, как бывшие союзники по антигитлеровской коалиции оказались по разные стороны в «окопах холодной войны».

В 1949 году по инициативе США был создан военно-политический блок НАТО, который имел четкую антисоветскую направленность. Хотелось бы напомнить, что в основу идеи этого агрессивного блока была положена одна идея, которая американцами особенно и не скрывалась. Эта идея выражалась крылатой фразой, суть которой состояла в следующем: «Держать Германию под контролем, обеспечивать присутствие США в Европе, исключить Россию из Европы».

Ответ Советского Союза был соответствующим. Через 6 лет после провозглашения НАТО, в 1955 году, в Варшаве был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и восточноевропейскими странами народной демократии. Варшавский Договор, как стала называться эта организация, был симметричным ответом на американскую военную угрозу. С этой целью по договоренности глав-государств Организации Варшавского Договора, был создан Главный штаб Объединенных вооруженных сил и введена должность Главнокомандующего.

От каждого государства в составе Главного штаба находились представители национальных вооруженных сил. Как правило, это были видные военачальники, обычно в ранге заместителей начальников генеральных или главных штабов вооруженных сил своих государств. Они были уполномочены обсуждать и решать все вопросы, выносимые на рассмотрение Главнокомандующим.

Несколько слов о должности Главнокомандующего Объединенными вооруженными силами Организации Варшавского Договора. По формальному признаку он был, в определенном смысле, выше «рядового» министра обороны любого государства-члена Варшавского Договора. СССР был «рядовым» членом Варшавского Договора, и Министр обороны СССР формально был равен министрам обороны других государств-участников этого союза. С другой стороны, Главком Объединенных вооруженных сил Варшавского Договора одновременно являлся первым заместителем Министра обороны СССР. Возникал своеобразный казус.

В рамках Варшавского Договора действовал Комитет министров обороны стран-участниц ОВД, заседания которого проходили под руководством Главнокомандующего.

Мне пришлось участвовать в нескольких заседаниях Комитета министров обороны, начиная с 1987 года. Все заседания проходили в нормальной, деловой обстановке. Решения, как правило, принимались единогласно всеми министрами обороны, за исключением Румынии. Румынская делегация, как правило, или заявляла свою отличную точку зрения, требуя занести ее в протокол, или не голосовала вообще. На мой взгляд, это было вызвано политической позицией самого Н. Чаушеску, имевшего ярко выраженные честолюбивые амбиции и претендовавшего на исключительность позиции Румынии в лагере социализма.

В ходе заседаний Комитета министров обороны обсуждались, главным образом, те вопросы, которые представляли взаимный интерес. К ним, прежде всего, относились

совместные военные учения и тренировки; военно-техническое сотрудничество. Советский Союз оказал помощь странам-участникам Варшавского Договора в создании собственной военно-промышленной базы. Мы построили вертолетный завод в Польше, где выпускались Ми-2; в Чехословакии мы помогли наладить выпуск боевых машин пехоты; во всех странах Варшавского Договора производились различные образцы стрелкового оружия.

Никакие проблемы военно-стратегического плана на заседаниях Комитета министров обороны не поднимались.

Варшавский Договор был, прежде всего, политическим, или правильнее сказать, политико-военным образованием. Этот союз был инструментом, созданным для поддержания политического единства социалистических стран.

Военное значение этого союза для Советского Союза, на мой взгляд, было незначительным. В военно-стратегических расчетах мы просто не учитывали военный потенциал Варшавского Договора как таковой. Я не помню ни одного случая, чтобы какие-то решения, принятые в рамках Варшавского Договора, влияли каким-либо образом на решения советского политического или военного руководства. Такое просто невозможно было себе представить. Вопросы, связанные с применением оружия, прежде всего ракетно-ядерного, на этих заседаниях тем более не обсуждались. Функции военно-стратегического планирования, применения ракетно-ядерного оружия выходили за пределы полномочий организации Варшавского Договора. Этим непосредственно занимались высшие органы политической власти нашей страны, Министерство обороны и Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР. Главнокомандующий вооруженными силами Варшавского Договора принимал участие в военно-стратегическом планировании, но только в роли заместителя Министра обороны СССР.

Что собой представляли Объединенные вооруженные силы Варшавского Договора?

В Варшавский Договор было включено определенное количество дивизий от каждого из участвовавших в нем государств. От Чехословакии, например, в состав войск Варшавского Договора были включены не все дивизии сухопутных войск, а только три из них. Группа советских войск в Германии как таковая не входила в состав войск Варшавского Договора, но в их состав выделялось десять дивизий. Точно так же обстояло дело и с контингентами других стран Восточной Европы.

На первый взгляд, такой принцип организационного строительства вооруженных сил был неправильным. В реальной крупномасштабной войне, к которой готовились и НАТО, и Варшавский Договор, неизбежно пришлось бы полностью ломать всю систему управления и руководства войсками. Такая война не могла вестись ограниченным количеством войск. Трудно представить абсурдную ситуацию, когда один полк воюет, а соседний – остается в стороне. В какой-то степени, все это было наигранным, искусственным, показным.

Нельзя забывать, однако, что роль и значение военной организации Варшавского Договора заключались не в ведении военных действий во всеобъемлющем ракетно-ядерном конфликте между Востоком и Западом. Варшавский Договор выполнял функции демонстрации силы. И в этом смысле он был достойным противником НАТО. Численность вооруженных сил Варшавского Договора в военное время составляла 3,5 млн. человек против 3,6 млн. солдат НАТО. По большинству видов вооружений даже в мирное время мы имели превосходство над потенциальным противником. Танков в Варшавском Договоре было около 60 тысяч, а у НАТО – около 31 тысячи. В Варшавском Договоре было больше: БТР и БМП – в 1,5 раза; артиллерии – в 1,3 раза; ПУ тактических ракет – в 11,8 раза; истребительной авиации ПВО – в 36 раз!

Со своей стороны, блок НАТО превосходил Варшавский Договор по противотанковым средствам – в 1,6 раза; ударной авиации – в 1,5 раза; надводным кораблям – в 5 раз.

Уже одни только эти цифры являлись мощным сдерживающим фактором, который охлаждал пыл американских ястребов, мечтавших утвердить свою гегемонию во всем мире.

Варшавский Договор создавался и функционировал как противовес НАТО в Европе. Советский Союз участвовал в нем своими воинскими контингентами, дислоцировавшимися в Восточной Европе и составлявшими основу военной мощи союза. Однако для СССР в послевоенную эпоху военно-стратегического противостояния двух сверхдержав Европа была не единственным потенциальным театром военных действий. У нас, образно говоря, был еще Дальний Восток, где США держали мощную группировку своих вооруженных сил на территории Японии и Южной Кореи. Обстановку там усугубляли наши взаимоотношения с соседним Китаем. Важным направлением был для нас и юг – Афганистан. У Советского Союза были свои интересы и союзники, нуждавшиеся в нашей помощи и поддержке в Африке, Азии, Латинской Америке. СССР, в конце концов, своим ракетно-ядерным потенциалом противостоял США в глобальном масштабе.

Для наших партнеров по Варшавскому Договору обстановка была несколько иной. Они находились на переднем крае противостояния между Востоком и Западом, их территории были потенциальным театром военных действий между Варшавским Договором и НАТО. Для них Варшавский Договор имел особое значение – и как структуру обеспечения территориальной целостности и национального суверенитета, и как инструмент подавления внутренней оппозиции, и как механизм получения дополнительной помощи от СССР.

Хочу подчеркнуть, что никогда Советский Союз не оказывал никакого давления на государства, входившие в состав Варшавского Договора. Не было голого диктата в форме жестких приказов: «Сделайте так и не иначе!» Другое дело, что мы «подталкивали» страны-участницы Варшавского Договора, чтобы официально принятые решения доводились до конца.

За годы моей службы, в том числе в должности министра обороны, мне приходилось много общаться со своими коллегами и партнерами по Варшавскому Договору. Естественно, у меня были хорошие, рабочие отношения со всеми министрами обороны этих стран. Но, пожалуй, самыми тесными, я бы даже назвал их дружественными, были у меня отношения с министром обороны ГДР генералом армии Гейнцем Кесслером. Мы с ним оба понимали, куда все идет, какая судьба может ожидать наш Варшавский Договор.

Довольно тесные отношения по военной линии были с Болгарией. Правда, во время моего посещения Болгарии разговор шел только вокруг советских поставок: «Дайте нам больше танковых башен, мы их установим на границе. Дайте нам побольше горючего и топлива. Дайте нам грузовики...» Такой, я бы сказал, «потребительский» стиль отношения Болгарии к СССР был типичным для этой страны.

Венгерская сторона была намного сдержаннее. Никогда ничего не просили, никакими своими достижениями особенно не хвастались. Но я лично всегда чувствовал, что события 1956 года, ввод наших войск в Венгрию для подавления контрреволюционных событий, наложили особый отпечаток на сознание венгров, даже высокопоставленных партийных и военных деятелей. Внешне, тем не менее, все выглядело вполне благодушно: венгры демонстрировали свои дружественные чувства. У советской Южной группы войск, дислоцированной на территории Венгрии, никогда не было особых проблем с населением или органами власти. И все же определенный холодок во взаимоотношениях ощущался.

Румыния, в отличие от всех других членов Варшавского Договора, никогда не стеснялась заявлять о своей особой позиции, о своей самостоятельности. Во время визита в Румынию я слышал укоризненные нотки в словах хозяев – мол, Советский Союз мало помогает, а вот требует много. Речь шла о настоятельных рекомендациях с нашей стороны в адрес вооруженных сил Румынии поддерживать высокий уровень боеготовности.

Отношение румын к своим соседям и «братьям по оружию», как тогда мы характеризовали Варшавский Договор, было в определенной степени высокомерным. Частенько в их словах и делах проскальзывали элементы национального превосходства. Много раз в неофициальной обстановке румынские партийные и военные руководители прямо заявляли, что страна ведет свою историю от Великой Римской империи, а не от каких-то славянских племен, дикарей и варваров эпохи Рима. Сам Н. Чаушеску, как говорят, любил кичиться историей Румынии, хотя замалчивал тот факт, что пять веков страна находилась под властью Османской империи...

Военно-политические отношения Польши с Советским Союзом тоже были непростыми, можно сказать специфическими.

Мне приходилось неоднократно встречаться с В. Ярузельским в прошлом, в частности, в Крыму. Когда я командовал там 32-м армейским корпусом, к нам приезжали на отдых многие руководители иностранных государств – и военные и государственные. Одних встречал по протоколу с почетным караулом, других – в частном, неофициальном порядке. Бывал там и В. Ярузельский. Вспоминается мой визит в Польшу уже в качестве Министра обороны СССР и встреча с Ярузельским. Тогда я особенно отчетливо почувствовал, что он был одинок. Он принадлежал к тем политическим силам, которые были сформированы на территории СССР в годы второй мировой войны и получили власть в Польше благодаря Советскому Союзу. А ведь было еще правительство Польши в изгнании, находившееся в Лондоне. Даже в армии в послевоенной Польше, хоть и ставшей социалистической Польской Народной Республикой, имели место определенные трения, сильны были прозападные настроения.

Но когда в 1980 году в Польше произошли волнения, сперва на севере, потом – по всей стране и встал вопрос о вводе войск Варшавского Договора в Польшу, Ярузельский лично подтянул все свои боеспособные дивизии к Варшаве с целью недопущения иностранного вторжения. Кстати, эта акция сыграла свою роль: в Москве не решились ввести войска. У нас опасались стычек и столкновений с польскими войсками, что было бы полнейшим крахом всей идейно-политической сущности социализма, концом насаждавшегося более 30 лет лозунга о братской дружбе.

В польском обществе, в том числе и среди военных, нередко звучали обиды в адрес нашей Красной Армии, которая, якобы, на конечном этапе войны не помогла полякам, поднявшим в августе 1944 года знаменитое Варшавское восстание. В интерпретации некоторых авторов, отказ советского командования помочь восставшим привел к поражению, гибели почти 200 тысяч поляков и жестокому разрушению города. Но эти авторы просто игнорировали факты.

Советские войска к концу июля выдохлись в ходе Белорусской стратегической наступательной операции, необходимо было подвезти боеприпасы и материальные средства, пополнить потери в живой силе. Фашисты отступали, но каждый рубеж нам давался с бою. В составе 1-го Белорусского фронта наступала 1-я Польская армия, да и сам командующий фронтом – генерал армии К.К. Рокоссовский был не чужим для поляков, у него самого в Польше находилась сестра. Но и он сделать ничего не мог, ведь руководители Варшавского восстания не согласовали с советским командованием ни планов, ни сроков своего выступления против немецких оккупантов. И хотя историки и специалисты знали всю подноготную тех событий, на уровне обыденного сознания антисоветские стереотипы укреплялись.

Поляки всегда относились к нам недоброжелательно, начиная, наверное, еще с 1613 года. Минин и Пожарский разбили и изгнали поляков. Отец первого русского царя Михаила Романова – Федор – посланный в Польшу в составе русского посольства на переговоры, был заключен там в тюрьму. До 1618 года он находился в польском заточении, и только после этого был отпущен. Историческая память любой нации хранит память о победах и унижениях, несправедливости и коварстве соседей. Все это, естественно, сказывается на отношениях между странами и народами.

Маленький момент, характеризующий взаимоотношения между государствами внутри Варшавского Договора. В 1968 году в ходе событий в Чехословакии в эту страну, как известно, были введены небольшие контингенты войск Венгрии, ГДР, Польши.

Прошло почти два десятка лет, и вот возник кризис в Польше. Я тогда был командующим Центральной группой войск, и мне поступала информация о настроениях чехословацкой стороны. Реакцию ее можно выразить лишь одной фразой: «Ну, мы им дадим!» Другими словами, во взаимоотношениях между всеми социалистическими странами, в том числе и в военной области, присутствовали какие-то недомолвки, обиды, я бы даже сказал, национальная неприязнь.

Хотелось бы вновь прибегнуть к авторитету Фукидида, который два с половиной тысячелетия назад сформулировал непреложный закон любых межгосударственных союзов: «Нам известно, что как дружба частных лиц не бывает прочной, так и общение между государствами обращается в ничто, если во взаимных отношениях между ними не заметно настоящей честности и если вообще нет сходства в их характере, так как различие в образе мыслей влечет за собой и разногласие в способах действий».

Наверное, в этом есть великая правда...

В общем, как мне кажется, мы не разобрались как следует в национальной специфике, особенностях национального характера и менталитета наших партнеров по Варшавскому Договору. За улыбками, признаниями в дружбе и тостами с традиционной русской водкой мы не видели фальши и приспособленчества.

Один из болгарских офицеров, комментируя национальный характер своих соплеменников, как-то сказал: «А что вы хотите? Болгария всегда жила между молотом и наковальней, между Османской империей и Российской империей, между православием и мусульманством. Нас то завоевывали, то освобождали, то опять завоевывали. Мы привыкли в своей истории приспосабливаться под тех, кто приходил в наш край или как завоеватель, или как освободитель».

Когда-то в Болгарию вторглись турецкие полчища, с которыми Российская империя не единожды воевала. Накануне второй мировой войны Болгария оказалась в стане Гитлера. После второй мировой войны в Болгарию пришел Советский Союз, и она полностью «подстроилась» под нас. Теперь в пределах Болгарии правят бал США и НАТО. Вот только надолго ли...

Каковы же главные уроки истории создания и развития Варшавского Договора? Не претендуя на полный и исчерпывающий ответ на этот вопрос, я бы сформулировал несколько выводов.

Во-первых, развал Варшавского Договора нельзя рассматривать в отрыве от процессов и сил, вызвавших развал Советского Союза. На то есть и внутренние, и внешние причины. Американцы не скрывают, что потратили триллионы долларов, чтобы обеспечить распад не только Советского Союза, но и всего Варшавского Договора.

Во-вторых, предательство политического руководства СССР во главе с М. Горбачевым, его отказ от соблюдения норм и принципов, заложенных и подписанных сторонами в Варшавском Договоре, привели к включению механизма центробежных сил. Непосредственную ответственность за развал Варшавского Договора несет А.Н. Яковлев, согласовывавший свои шаги с М. Горбачевым. А уж остальные члены этого союза быстро сориентировались, воспользовались предоставленными им «свободами».

В-третьих, в основу союза европейских социалистических государств, образовавших Варшавский Договор, была положена идеология. Значение идеологии традиционно переоценивалось советским партийно-политическим руководством. В развитии взаимоотношений между государствами и их вооруженными силами в рамках Варшавского Договора превалировали идеологические и политические лозунги и призывы, которые нередко расходились с реальными интересами и настроениями государств-участников, их историческим опытом и традициями.

В-четвертых, мы недооценили силу «золотого тельца», притягательную силу американского доллара, ради которого совершались и совершаются самые тягчайшие преступления в истории человечества. Во имя обладания им, политики предают свои народы, идеи патриотизма и социальной справедливости заменяются демагогическими лозунгами свободы и демократии.

В-пятых, союзники союзникам рознь. Однозначные и категоричные оценки любых союзов, как показывает исторический опыт, не допустимы. Болгария, Венгрия, Румыния были послушными сателлитами фашистской Германии в годы второй мировой войны, потом в течение полувека эти страны входили в Организацию Варшавского Договора и были союзниками Советского Союза. И вот теперь вместе со странами Балтии, Польшей, Чехией и Словакией они вновь образуют «санитарный кордон» НАТО против России.

Уроки Варшавского Договора, его судьбы и развала еще ждут своих объективных исследователей, но уже сегодня ясно: союзников и друзей приобрести очень трудно, а превратить их в своих недругов или оппонентов – слишком легко. Вот только тогда опять приходится начинать все сначала...

В ближайшей перспективе, как мне кажется, страны Восточной и Центральной Европы вряд ли будут стремиться к установлению более тесных военно-политических отношений с Россией. НАТО им просто не даст этого сделать, даже если бы они очень этого хотели.

Нашли ли «молодые» страны-члены НАТО в рамках этого военно-политического блока то, что искали? Безопасности, стабильности, процветания?

Пусть они сами отвечают на эти вопросы. Ясно только одно: территория этих стран рассматривается США (а именно они правят бал в НАТО) как новый «санитарный пояс» вокруг России. Натовские, точнее американские военные объекты, включая ядерное оружие и средства их доставки, неизбежно появятся вблизи самых границ нашего Отечества. Так уже было неоднократно в годы «холодной войны», когда американские ракеты плотным кольцом окружали Советский Союз. В НАТО всегда найдут поводы и причины для того, чтобы выдвинуть к российским границам дополнительную эскадрилью ударной авиации или ракетный дивизион. Верить Вашингтону никоим образом нельзя, хотя бы потому, что там свято чтут идею «постоянства интересов» и «отсутствия постоянных друзей и врагов» на международной арене.

Что еще ждет «новообращенные» страны НАТО? Могу с уверенностью утверждать, что контингенты вооруженных сил стран Балтии, Восточной и Центральной Европы будут активно привлекаться к выполнению различных полицейских, миротворческих и иных операций НАТО там и тогда, где и когда в Вашингтоне сочтут это необходимым. Деньги нужно отрабатывать. Поэтому теперь «молодым» странам НАТО не увильнуть от военных акций типа войны против Югославии.

Вступление в НАТО сопровождается долларовыми инъекциями, экономическими подачками. Амбиции национальных политиков получают удовлетворение: с ними за руку здороваются сам президент Дж. Буш младший. Средства массовой информации умело проводят на западные деньги крупномасштабные акции по «промыванию мозгов» населению. Почему-то все «новоиспеченные» члены НАТО считают, что они способны добиться процветания, попасть в «золотой миллиард». Они-то хотят, да вот только кто им даст!

В связи с этим возникает закономерный вопрос: так в чем же заключается жизнеспособность НАТО, этого рудимента «холодной войны», пережившего своего главного и единственного противника – Организацию Варшавского Договора.

Страх стран Балтии, Центральной и Восточной Европы за свою безопасность – явно надуманный. Россия никому не угрожает, да и Белоруссия с Украиной вовсе не собираются нападать на Эстонию или Болгарию. Тогда с кем же хотят воевать наши бывшие союзники?

Сегодня все – от школьника до президента говорят о борьбе с международным терроризмом. Но военный блок с танками и подводными лодками, ядерным оружием и стратегическими бомбардировщиками в борьбе с террористами бессилён. А вот разорить, расколоть, разбомбить крылатыми ракетами новую Югославию – он может, к этому он и готовится. Вопрос только в одном: кто будет следующей Югославией.

Блок НАТО, несмотря на всю его оборонительную риторику, является агрессивным, наступательным военным союзом европейских государств против реального противника. Никогда я не поверю в то, что американцы будут тратить деньги на обеспечение обороны Европы от марсианских пришельцев. Но тогда – против кого воевать? Ответ очевиден и только один – против России.

В заключение своих размышлений о союзах и союзниках России мне хотелось бы задать традиционным русским вопросом: что же делать.

Безусловным приоритетом следует считать укрепление наших отношений со всеми странами СНГ, прежде всего с Белоруссией, оказавшейся на переднем крае противостояния с НАТО.

Можем ли мы полагаться на то, что наши партнеры по СНГ так же понимают процесс расширения НАТО, как это понимаем мы, в Москве? Я не исключаю, что нет. Никто не застрахован от того, что нынешние или новые поколения национальных лидеров союзных нам сегодня стран завтра не переметнутся в стан наших оппонентов, а то и врагов. Россия, единая Россия не даёт спать спокойно многим политикам в разных столицах мира.

Не менее важным направлением наших усилий должно стать укрепление отношений России с традиционными, проверенными союзниками в разных регионах мира. Прежде всего, я имею в виду Кубу. переброска советских войск, ракет и ядерного оружия на Остров Свободы в 1962 году очень быстро охладила стратегические расчёты Вашингтона, заставила его одуматься и признать реальность. Сейчас, естественно, обстановка совершенно иная, Россия – это не советская сверхдержава, мир уже качественно изменился.

Но что мешает нам сегодня поддерживать более глубокие и тесные военные связи с Кубой? Ведь Куба нуждается в защите своего суверенитета – нет, не от угрозы со стороны США (самой «демократичной» и «миролюбивой» державы мира!), а от возможного вторжения, скажем, доминиканских экстремистов или пиратов Карибского моря.

Подобно тому, как Эстония, Литва или Латвия нуждаются в защите со стороны американцев. Нет, не от России (ведь Россия не рассматривается блоком НАТО в качестве противника!) – а от международных террористов, марсиан или ещё каких-нибудь угроз...

Размышления и воспоминания

Геополитические реалии современности

Размышляя о событиях сорокалетней давности, Карибском кризисе и нашем участии в нём, я каждый раз задаюсь вопросом: как так получилось, что маленькая Куба смогла выйти победителем из неравной схватки с американской сверхдержавой. Откуда у крошечного острова в океане столько твердости? Откуда у его мирных жителей столько мужества, стойкости, решимости и веры в себя? Откуда взяла силы эта маленькая нация, население которой на протяжении многих веков пребывало в колониальном и полуколониальном состоянии, собирая сахарный тростник на плантациях американских богачей и ублажая богатых туристов?

Конечно, помощь и поддержка Советского Союза сыграли в этом ключевую роль. Наши ядерные ракеты, которые, по версии американцев, вызвали тот знаменитый кризис, в действительности спасли кубинцев. Но только ли это? Ведь мы помогали и многим

другим странам и народам, безвозмездно давали деньги и оружие, готовили кадры, обучали вооруженные силы.

И что же?

Кто-то из наших бывших союзников или последователей переметнулся в противоположный лагерь, кого-то мы предали сами, в результате чего им пришлось или идти на поклон к американцам, или вливаться в ряды «непримиримой оппозиции», той самой, с которой сейчас ассоциируется понятие «международный терроризм».

Но речь даже не об этом.

Кубинская нация нашла в себе силы выступить не только против рабства как социального института, но и против рабства духовного, психологического, внутреннего. Любовь к своей стране, патриотизм, возведенный в ранг государственной идеологии, стали основой того духа, о который «сломали себе зубы» американские империалисты. Этот дух был понятен и близок нам, советским людям. Лозунги «Родина или смерть!», «Мы победим!» находили отклик и в наших сердцах. Испытав все тяготы и лишения Великой Отечественной войны, советский народ как никакой другой знал цену победы.

Кубинцы зарекомендовали себя нацией, достойной самого глубокого уважения. Именно поэтому, наверное, в Вашингтоне до сих пор запрещено курить кубинские сигары, пить кубинский ром и вообще произносить слово Куба. Маленькая нация нанесла такое «глубокое унижение» самой могущественной сверхдержаве, что даже по прошествии нескольких десятилетий боль от этого не утихает. Меняются президенты и администрации, меняются времена, но блокада и политика изоляции Кубы продолжают. И хотя Вашингтон уже, похоже, внутренне смирился с Островом Свободы вблизи своей территории, признать этот факт он не хочет до сих пор.

Президент Кубы Фидель Кастро, выступая 1 мая 2003 года на митинге трудящихся, как всегда очень ярко и выразительно подвел итог революционной борьбе кубинского народа: «Наш героический народ, живущий на маленьком Карибском острове, в нескольких десятках миль от самой могущественной имперской державы, когда-либо известной человечеству, борется уже 44 года. Этим он вписал в историю страницу, которой нет равных. Никогда еще мир не видел столь неравной борьбы».

Те, кто думает, что возведение империи в статус единственной сверхдержавы, чья военная и технологическая мощь ничем в мире не уравновешена, может вызвать у кубинцев страх и уныние, не могут не удивляться огромному мужеству этого отважного народа. В такой день как сегодня, в славный день трудящихся, отмечаемый в память о пяти погибших рабочих Чикаго, я заявляю от имени миллиона кубинцев, собравшихся здесь, что мы выстоим, невзирая на все угрозы, не уступим какому бы то ни было давлению и готовы защищать Родину и Революцию силой идей и оружия до последней капли крови.

В чем виновата Куба? У какого честного человека есть причины, чтобы на нее напасть?»

Патетические вопросы Фиделя остались без ответа.

Мир в корне изменился за прошедшие годы. Рухнула биполярная система международной безопасности, исчез с политической карты мира Союз Советских Социалистических Республик. Теперь молодое поколение россиян, выбравшее «Пепси» и «Сникерсы», уже и не сможет «расшифровать» аббревиатуру СССР.

Соединенные Штаты остались сегодня единственной могущественной сверхдержавой – ядерной, военной, экономической, политической. Это статус породил опасный комплекс собственной безгрешности. Всему миру навязываются американские ценности, западные стандарты, американский образ жизни. Целые страны и народы объявляются «изгоями», а против них и их руководителей объявляются «крестовые походы». Югославия и Ирак – это лишь недавние, наиболее яркие примеры.

Главные движители американской политики остались все те же: нефть, полезные ископаемые, рынки сбыта. Там, где пахнет нефтью – появляются американцы. Если не

проходит вариант с экономическим проникновением – в дело вступают вооруженные силы. С Ближнего Востока американцев не выкуришь ничем – там нефть. А вот из Сомали, где особенно пожить было нечем, американские миротворцы, понеся потери, сбежали быстро.

Нефть имеет для США притягательную силу, поэтому любой богатый «черным золотом» регион мира становится объектом прямого или косвенного проникновения США. Соединенные Штаты имеют свои запасы нефти, однако предпочитают их сохранять и консервировать. В этом смысле, они поступают как рачительные хозяева – лучше импортировать энергетические ресурсы, а свои – сохранить про запас, на «черный день».

Стратегический резерв горючего «на случай краткосрочных негативных влияний» был создан в США в 1977 году. На сегодня его запасы составляют около 570 млн. баррелей нефти – 90-дневный запас, который может быть использован по указу президента в случае энергетического кризиса. Мне самому довелось видеть целые ряды нефтяных скважин, забитых заглушками.

США сегодня – самая богатая страна мира, которая прямо или косвенно эксплуатирует весь мир. Имея около 5% населения планеты, США потребляют примерно 50% сырья и 25% нефтепродуктов, добываемых в мире. Ученые рассчитали, что если все страны мира выйдут на такой уровень потребления, то сырьевых и энергетических ресурсов планеты хватит только на 4 года и, как следствие, неизбежна экологическая катастрофа.

Россия сегодня не входит в группу процветающих и благоденствующих стран. Но потенциал для этого имеется. По расчетам Госкомстата РФ и Российской академии наук ресурсный потенциал нашего государства оценивается в 340-380 трлн. долл. Россия занимает первые строки в рейтинге самых богатых ресурсами стран мира. На душу населения национального богатства у нас приходится в два раза больше, чем в США, в шесть раз – чем в Германии, в 22 раза – чем в Японии.

Россия владеет 13% мировых прогнозных запасов нефти, 42% – газа, 43% – угля. Здесь осуществляется 11% мировой добычи нефти, 28% – газа, 14% – добычи угля. Наша страна полностью обеспечена энергоресурсами, в то время как, например, Япония зависит от иностранных энергоресурсов на 82%, Германия и Франция – на 50-52%, США – на 23%.

В этом смысле Советский Союз не мог не быть главным геополитическим противником для США. СССР был страной, не только самодостаточной с точки зрения энергетических ресурсов и природных богатств, но и способной снабжать своими энергоносителями всю Европу. С этим в Вашингтоне не могли смириться.

Сегодняшняя Россия, хоть и «потерявшая» некоторые природные богатства, разрабатывавшиеся на территории других союзных республик, все равно «излишне богата». Американцы спят и видят очередной этап развала нашей страны – на еще более мелкие княжества. Им не нужна единая, сильная Россия.

Если Вашингтон с нами сегодня садится за стол переговоров, то только по одной причине: у нас есть ракетно-ядерный щит. У нас есть ракеты «Сатана», которые никакой противоракетной обороной полностью и гарантированно уничтожить невозможно. Вполне понятно, что американцы предпринимают все усилия для того, чтобы мы ликвидировали именно эти ракеты.

С другой стороны, на любых переговорах по сокращению ядерных и стратегических вооружений американцы настойчиво выводят из плоскости обсуждения военно-морские силы. Почему? Да потому, что у них основные средства ядерного поражения находятся как раз в ВМС – на подводных лодках и надводных кораблях.

Другой серьезной геополитической проблемой, которая затрагивает напрямую интересы России в Европе и в мире в целом, является расширение НАТО на восток. При этом имеется в виду не только географическое, но функциональное расширение. Странами НАТО стали наши бывшие союзники по Организации Варшавского Договора и даже наши бывшие прибалтийские республики – Латвия, Литва, Эстония. Зона

ответственности НАТО вышла далеко за пределы Европы и охватывает теперь все постсоветское пространство.

НАТО является орудием, с помощью которого Вашингтон держит под контролем всю Европу. Под видом НАТО, других европейских структур, они держат в подчинении не только Европу, но и другие регионы мира.

Сегодня США имеют свыше полутора тысяч военных баз и объектов на территории зарубежных государств и не собираются их ликвидировать. Почему, спрашивается, они не уходят из Гуантанамо? Ведь 99-летний срок аренды этой кубинской территории давно истек. В то же время, российские военные объекты в Грузии не дают спать спокойно американским официальным лицам. Какую угрозу американской национальной безопасности несут российские солдаты в Грузии?

По поводу Грузии хотелось бы напомнить, что двести с лишним лет назад Грузия сама обратилась к России с просьбой о защите от Турции и Ирана. В 1783 году на основании Георгиевского трактата был установлен протекторат России над Восточной Грузией, а в самом начале XIX века Грузия была присоединена к России. Россия спасла и защитила Грузию, ее народ, культуру и духовные ценности. Грузия, наконец, сохранила свою христианскую веру.

Что мы видим теперь? Грузия отдает свою армию на откуп американцам, американцы даже приплачивают грузинским чиновникам и политикам. Где это видано, чтобы президент суверенного и независимого государства официально получал ежемесячную прибавку к своей зарплате из американской казны!

Но ведь американцы никогда денег просто так на ветер не бросают, они воспитаны на четком убеждении: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловках». Чем и как будет платить руководство Грузии за свой сегодняшний кусок сыра на завтрашнем обеденном столе. Вот в чем вопрос...

Американцы уже проникли в Киргизию, где в районе аэропорта Манас стоят американские военные. Американцы есть на территории Узбекистана. Под видом борьбы с «международными террористами» в Афганистане они размещают свои военные базы и объекты на территории Средней Азии, то есть на территории бывших республик Советского Союза.

Я не верю, что Вашингтон радуется об интересах народов Афганистана, желает помочь населению этой истерзанной войнами страны. Американцам нужен Афганистан как потенциальный источник еще не выявленных природных богатств. Никто не знает, что можно открыть в горах Афганистана.

Другой регион бывшего Советского Союза, куда очень рвутся американцы, это – Каспийский бассейн, с его богатейшими запасами нефти. Сами американцы подсчитали, а счет они любят, что потенциальные запасы нефти там достигают 200 млрд. баррелей (около 28 млрд. тонн).

Не удивительно, что весь прикаспийский регион и Каспий объявлены сегодня зоной национальных интересов США. Именно здесь отмечается наибольшая активность крупнейших американских нефтяных корпораций, добывающихся доминирующих позиций в регионе. Используется неурегулированность статуса Каспийского моря.

Сложные и неоднозначные процессы идут сегодня и в Старом Свете. Перспективы создания единой объединенной Европы, на мой взгляд, достаточно призрачны. Каждая страна имеет свои интересы, исторические корни и менталитет всех европейских наций различен. Это слишком существенно. Возьмите немцев и французов, сравните их с англичанами. Столько противоречий, такой клубок страстей и эмоций!

Да, они могут объединиться в случае серьезной угрозы, как это было в годы «холодной» войны, когда они видели в Советском Союзе угрозу своему существованию. Но нет такой угрозы – и все меняется.

Многие из европейских стран объединили ныне свои финансовые системы, создали единое экономическое и культурное пространство. Если это выгодно – почему бы не

пойти на это! Но давайте не будем забывать, что у процесса интеграции есть свои пределы. В частности, Великобритания почему-то не спешит вступать в «зону евро»...

Несмотря на все внешние стороны интеграционного процесса в Европе, пропагандистскую мишуру и помпу, даже старые европейские нации имеют серьезнейшие разногласия и предрассудки. Сказывается опыт прошлого, еще помнится вторая мировая война...

Отношение к немцам, как мне кажется, у всех народов Европы остается настроенным, а в первые послевоенные годы оно было даже близким к ненависти. Немцы развязали и первую, и вторую мировые войны. В памяти старшего поколения любой европейской страны еще живы воспоминания об ужасах и геноциде гитлеровской Германии. И не только в России и странах бывшего СССР. 6 миллионов евреев, уничтоженных фашистами в годы второй мировой войны, – это не миф, а страшные страницы истории человечества. Поэтому отношение к немцам в мире сопровождается определенным предрассудком.

Немцы – нация воинов. Сила, дисциплина, целеустремленность, напор – вот, пожалуй, главные черты немецкой нации. Это – единственная нация Запада, которая по своему духу и национальному характеру способна вести войну.

Есть еще один момент. Германия после второй мировой войны превратилась в могучее, экономически развитое государство. Для нее создать ядерное оружие и средства его доставки, включая ракеты всех классов, – не проблема. Кстати, именно немецкие ученые стояли у истоков создания всех этих технологий, а американский прогресс, например, в ракетостроении, был достигнут вследствие привлечения немецких специалистов, которые были вывезены после войны за океан.

Конечно, Германия ни сегодня, ни завтра воевать не будет. Однако до сих пор на ее территории, вот уже без малого 60 лет, размещаются американские войска. Несмотря на изменение военно-стратегической обстановки в мире и Европе после окончания «холодной» войны, по-прежнему два американских армейских корпуса дислоцируются на немецкой земле. Мы же с легкой руки Горбачева «ударными темпами» вывели 130 тысяч своих солдат с территории Германии...

Ирония истории – война США против Югославии в 1999 году тоже началась с немецкой земли. Американские бомбардировщики взлетали со своих военных баз на территории Германии, а также с аэродромов Венгрии, Польши, Болгарии, на которых, кстати, когда-то, базировалась советская военная авиация.

Мне кажется, что немцы не забыли о своих территориальных потерях в результате второй мировой войны: о Восточной Пруссии, Силезии, Судетах. Возвратить все это обратно сейчас кажется нереальным. Но время придет, когда они поставят вопрос об этих «утраченных землях». По крайней мере, полностью исключать такую возможность в будущем было бы недальновидно. Так что свой дух воинов немцы еще могут показать...

Другие государства Запада – ни англичане, ни американцы – воевать по-настоящему не умеют и не будут. Американцы никогда в бой – штык на штык – не пойдут. Если они уверены, что смогут победить, не вступая в рукопашную схватку, а только за счет техники, они будут воевать. В противном случае – американских солдат в бой не пошлешь.

Взять тот же Вьетнам. Там американские войска по своей воле в боевых действиях не участвовали. Они применяли ковровые бомбардировки, травили вьетнамцев химикатами, сжигали населенные пункты огнем артиллерии. В наземных же операциях с обеих сторон участвовали вьетнамцы, и только в исключительных случаях, чаще в целях самообороны, в боевые действия вступала американская пехота.

Великобритания даже сегодня имеет армию, укомплектованную представителями многих других наций, бывших когда-то колониями под властной рукой британской монархии. Естественно, все командные и руководящие должности заняты англичанами. А вот там, где надо кровь проливать, где приходится выполнять «черную» работу – там кого

только нет. Великобритания – старая колониальная держава, привыкшая держать в повиновении свои владения жесткой силой. Англичанин в этой системе координат мыслится как господин, подгоняющий своих рабов ударом плети.

Конечно, сейчас другие, не колониальные времена. Однако привычка «загрести жар чужими руками» у Запада, и прежде всего у Вашингтона, осталась. И в войне против Югославии в 1999 году, и в обеих войнах в Персидском заливе в 1990-1991 и 2003 году американцы прибегали к созданию военных коалиций, мобилизуя на войну своих союзников по НАТО, зависящие от них арабские режимы или просто те страны, которые хотели бы выслужиться перед Вашингтоном. За примерами далеко ходить нет необходимости.

По состоянию на лето 2004 года в составе коалиционных войск в Ираке помимо войск США и Великобритании числились воинские контингенты еще 31 страны, из которых 8 – бывшие советские республики (Украина, Грузия, Латвия, Литва, Эстония, Азербайджан, Казахстан, Молдова), а 6 государств – бывшие члены Варшавского Договора. Отличилась «незалежна» Украина, пославшая в Ирак 1700 своих парней. А Монголия выставила столько же солдат, сколько послали Чехия и Словакия вместе взятые. Улан-Батор даже «перещеголял» Грузию: 180 монголов против 169 грузин.

В стремлении наших бывших союзников и партнеров побыстрее переметнуться к американцам, а заодно и «пнуть» Россию лежат исключительно меркантильные интересы. Все спешат, отталкивая друг друга, к «кормушке», надеясь, что им что-нибудь перепадет с «барского стола». Разве отвечает национальным интересам Болгарии забвение многовековой дружбы и поддержки, которую получал народ этой маленькой славянской страны от России? Неужели и руководителям этих стран, с воодушевлением вошедших в НАТО, не понятна уготованная им роль государств второго сорта? Запад делиться с ними своими благами и достатком не собирается, как то делал когда-то Советский Союз. За все надо платить, и платить с процентами – такова философия Запада. Счет новым, «освободившимся от советской тирании» государствам еще не представлен, но он начинает вырисовываться. От них уже сегодня требуется абсолютное послушание Вашингтону и принципиальное дистанцирование от Москвы. Взамен им разрешают мечтать о кредитах, вхождении в мировое сообщество, благах западной цивилизации.

«Кто не с нами – тот против нас!» - на этом средневековом принципе строится мировосприятие Вашингтона. Именно так заявил нынешний глава Белого дома Дж. Буш младший после трагедии 11 сентября 2001 года: «Любая страна в любом месте должна сейчас принять решение: или они с нами, или они с террористами». Франция, Германия, Россия были против войны в Ираке в 2003 году. Но разве они были с террористами? Почему президент США поставил вопрос именно так: или – или. Почему мы не ставим вопрос, что любая страна, не поддерживающая нас в борьбе с бандитами и террористами в Чечне, является пособницей международного терроризма? Кто дал США право поучать весь мир и вершить суд?

А вот слова Буша-младшего из выступления перед курсантами Военной академии в Вест-Пойнте летом 2002 года: «Наша безопасность требует, чтобы мы преобразовали военную силу, которой Вы будете руководить, в силу, которая должна быть готова к немедленной атаке в любом дальнем уголке мира..., чтобы мы были готовы к превентивной атаке, когда будет необходимо защищать нашу свободу и наши жизни...»

Мы отправим дипломатов туда, где они будут нужны, и пошлем вас, наших солдат, туда, где вы будете нужны».

Эти слова произносились не умалишенным, а президентом США, за которым тысячи единиц ядерного оружия...

Предлог для использования оружия правящая верхушка США всегда найдет. Взять тот же Ирак, который разгромили под предлогом наличия там оружия массового поражения. То, чего искали, так и не нашли, а вот нефть похода захватили.

У нас тоже много нефти и других сырьевых ресурсов. Есть над чем призадуматься...

Новый мир – новые реалии, которые требуют от политического руководства России политической мудрости, железной воли, настойчивости и твердости, решительности действий. А самое главное – четкого понимания и жесткого отстаивания национальных интересов России. Любая уступка, сделанная из благих намерений, расценивается нашими оппонентами и недругами как слабость и неизбежно приводит к новым и новым потерям.

В этом смысле уроки Карибского кризиса, на мой взгляд, нами до конца еще не усвоены, не проанализированы и не взяты на вооружение.

Послесловие. Куба в моем сердце...

Москва встретила нас дождливым осенним ненастьем, резко контрастировавшим с благодатным климатом тропического острова в Карибском море. После ярких красок тропической природы родная столица показалась серой и неуютной. Согревала только теплая встреча с домашними, родными и близкими. Всего несколько дней пролетело с момента нашего отъезда на конференцию, однако за это время произошло столько событий и встреч, мы получили столько информации и впечатлений, что, казалось, минуло полгода.

Я счастлив, что судьба свела меня с Кубой. Остров Свободы вошел в мою жизнь и остался в моем сердце навсегда. Этот благодатный островок под тропическим небом и его гордые, смелые, красивые люди – это как первая любовь, которая живет в глубине души человека всю жизнь. Проходят годы, сменяются эпохи, но сердцем всегда тянешься к воспоминаниям прошлого...

Мне довелось много раз посещать эту удивительную страну. Каждая встреча с Кубой запоминается надолго, придает мощный заряд бодрости и энергии. И все же новогодняя поездка 1999 года осталась в моей памяти, пожалуй, самым сильным впечатлением...

По приглашению министра РВС Кубы генерала армии Рауля Кастро Рус, мы с Эммой Евгеньевной 29 декабря 1998 года вылетели в Гавану. Огромный Ил-96 был почти весь заполнен пассажирами, спешащими встретить Новый год в экзотических условиях. На часах было 4 часа ночи. Самолет плавно взмыл вверх и взял курс на Кубу. Путь предстоял далекий – почти 11 тысяч километров, и это расстояние наш лайнер должен был преодолеть без посадки.

Стюардесса с приветливой улыбкой порекомендовала нам устроиться поудобнее в мягких креслах и пообещала скрасить длительный полет завтраками, обедами и прохладительными напитками.

Однако через час стюардесса уже без улыбки объявила: «Ветер встречный, заправки до Кубы не хватит. Будет промежуточная посадка в Шенноне в Ирландии».

Нельзя сказать, что эта новость кого-либо обрадовала или расстроила. Ветер – есть ветер, ему не прикажешь дуть в паруса. Свет в салоне авиалайнера притушили, и пассажиры начали дружно отходить ко сну.

В Шенноне сели благополучно. По селекторной связи объявили: «Стоянка будет один час, самолет никому не покидать».

Но вот прошел час. Затем – второй, третий... Вдруг объявление: «По техническим причинам вылет задерживается, можно выйти в здание аэровокзала».

В аэропорту жизнь кипит круглые сутки. Пассажиры с нашего рейса разбрелись по буфетам и магазинам, а кое-кто сел поближе к выходу. Время тянулось медленно, заставляя пассажиров нервно посматривать на часы. После пяти часов пребывания в Шенноне объявили посадку в самолет на рейс «Москва – Гавана». С энтузиазмом мы заняли свои места, предвкушая скорую встречу с Кубой.

Заработали мощные двигательные установки, лайнер вздрогнул и после недолгого руления вышел на взлетно-посадочную полосу. Секундная пауза, двигатели взревели, и наш самолет начал свой разбег.

И вдруг где-то посередине взлетной полосы один из наших двигателей загорелся. Эмма Евгеньева сидела около иллюминатора и видела все своими глазами. «Смотри, горит», - потянула она меня за руку, показывая в иллюминатор. Пассажиры даже не успели среагировать – сработала система автоматического рушения пожара, а самолет тем временем, прекратив разбег, тихонько подрулил к посадочному рукаву аэровокзала.

Над салоном пронесся вздох облегчения и одновременно возмущения. Столь сложное чувство было понятно. Пережив минуты стресса, пассажиры были рады, что все обошлось благополучно, двигатель загорелся на земле, а не в воздухе над океаном. Однако нерадивость обслуживающего персонала, за пять часов так и не подготовившего самолет к дальнему перелету, вызвала законное возмущение. Рухнули планы тех, кто надеялся быть в Гаване уже 29 декабря. По внутренней сети лайнера было объявлено, что этот самолет дальше не полетит, вместо него из Москвы вызывается новый лайнер. Пассажирам было заявлено, что на ночь всех разместят в гостинице в 20 км от Шеннона, куда их доставят автобусами.

Надо отдать должное нашим временным хозяевам: переезд и размещение в гостинице были осуществлены быстро и четко. За окнами автобуса зеленели поля, дул теплый ветерок. Даже не верилось, что на календаре был декабрь месяц.

Разместившись в гостинице, мы попытались лечь спать. Но около 2 часов ночи теперь уже 30 декабря всех пассажиров злополучного рейса разбудила новая команда: «По автобусам!»

Без приключений добрались до аэропорта и в 4 часа ночи по московскому времени – ровно через сутки с момента взлета в Москве – мы благополучно взлетели. Пассажиры, несмотря на все приключения сохранившие способность шутить, сделали практический вывод: «Если и дальше будем двигаться до Кубы с такой же скоростью, то до Гаваны еще двое суток пути...»

К счастью, эти прогнозы не сбылись. Десять часов полета, и мы – в Гаване. Над кубинской столицей только что прошел сильный ливень, и мокрая взлетно-посадочная полоса на ярком солнце блестела серебром. Под бурные овации измученных пассажиров командир корабля безупречно посадил лайнер в аэропорту им. Хосе Марти.

В гаванском аэропорту меня уже ждали. Подполковник Хосе Рамон Родригес, выполнявший функции переводчика, помог нам быстро пройти все формальности, и мы оказались в объятиях встречающих. Мы обнялись с генерал-лейтенантом Валерием Григорьевичем Стрельниковым, нашим старшим военным советником, и российским военным атташе генерал-майором Михаилом Марковичем Макаруком. Кубинскую сторону представлял генерал-лейтенант Рамон Педро Герра и группа кубинских старших офицеров.

По кубинскому обычаю нас пригласили в гостевой зал, где предложили кофе, соки, ром. Хозяином, как я понял, был Рамон Педро Герра, который сразу же после знакомства обратился ко мне с вопросом: «Вы меня не помните?» Мне и самому с первой минуты знакомства лицо кубинского генерала показалось знакомым. «Где-то мы с Вами когда-то встречались, но сейчас – не припомню», - отвечал я. И тогда Рамон Педро Герра напомнил мне обстоятельства нашей первой встречи. В далеком 1963 году он в звании капитана командовал танковым батальоном и принимал у моего полка перед убытием на Родину боевую технику. Теперь же он – заместитель министра РВС Кубы и ему лично Рауль Кастро поручил встретить меня.

После небольшого отдыха в аэропорту в 10 часов утра по гаванскому времени мы поехали в Гавану. Наш гид и переводчик Хосе успел сообщить нам, что все руководство Кубы находится в городе Санта-Клара, где происходит церемония торжественного

захоронения останков революционеров во главе с легендарным Че Геварой, погибших в Боливии.

Через несколько минут мы уже были в Эль-Лагито, где нас разместили в домике для гостей. Туда же вскоре доставили и наш багаж в полуразбитых при неоднократных перегрузках коробках. Было жаль разбитых бутылок и промокших шоколадных конфет, которые мы везли в качестве новогодних подарков нашим друзьям. Однако все это было ерундой по сравнению с возможной катастрофой.

Устроившись в номере, мы с Эммой Евгеньевной вышли в парк. Кругом все благоухало. Хосе подвел нас к озеру покормить фламинго. Среди этих удивительно красивых птиц сновали шустрые утки, выхватывавшие из клюва грациозных фламинго крошки белого хлеба. Не отставали от уток и любимые кубинцами птицы тотти, похожие на небольших белых цапель. Эти птицы сопровождают стада скота, смело расхаживая по спинам животных, уничтожая насекомых-паразитов.

Вечером мы были свидетелями изумительной картины: к огромному дереву на берегу озера слетелось несколько тысяч белых птиц тотти и в лучах заходящего солнца могучее дерево, казалось, «расцвело» белыми цветами. С наступлением темноты птичий гомон утих, а с утренними лучами солнца вся стая сорвалась с места и разлетелась в разные стороны.

Последний день 1997 года мы посвятили знакомству с достопримечательностями Гаваны. Странное чувство охватывало нас: в заснеженной Москве уже встречали новый 1998 год, а мы прогуливались под палящим солнцем по асфальтированным дорожкам вокруг озера, любясь тропической экзотикой. Хосе сообщил нам, что на встречу Нового года к нам прибудет генерал-лейтенант Рамон Педро Герра с супругой Марией.

За праздничным столом мы посидели около двух часов, а потом, сославшись на усталость после дальней дороги, проводили наших гостей домой. Мы прекрасно понимали, что Рамон и Мария хотели бы встретить Новый год в кругу семьи. Весьма довольные, они, пожелав нам приятного отдыха, уехали с подарками для своих детей.

Утром 1 января 1999 года вся Куба торжественно праздновала сорокалетие Революции. Нам предстояло лететь в Сантьяго-де-Куба, где намечались основные торжества по случаю годовщины освобождения города и исторической речи Фиделя Кастро на площади около Федерального собора перед жителями провинции Ориенте и воинами Повстанческой армии.

В 9 часов утра наш самолет оторвался от взлетной полосы гаванского аэропорта. Через час полета комфортабельный авиалайнер приземлился в Сантьяго-де-Куба. Температура за иллюминатором - плюс 29 градусов. Нас встретили и разместили недалеко от города в гостинице с поэтическим названием «Балкон над Карибами».

Надо отдать должное архитекторам, создавшим великолепный гостиничный комплекс на высоком, обрывистом берегу Карибского моря. С 50-метровой высоты «Балкона», как на ладони, открывался вид на лазурное море, корабли и яхты на горизонте, рыбацкие шхуны со стайками бакланов. Нельзя было не залюбоваться этой райской идиллией. Душу охватывало чувство покоя и умиротворения.

Свободное время до самого вечера было посвящено осмотру местных достопримечательностей, среди которых запомнились пляжи с черными песками и национальный парк в долине недалеко от берега, где усилиями ученых воссоздана картина доисторических времен. Как живые из-за деревьев выглядывали искусно созданные муляжи хищных тиранозавров, возле ручейка паслось стадо огромных травоядных бронтозавров, а в небе, распластавшись, завис птеродактиль.

В тот же день вечером мы были на кафедральной площади Сантьяго-де-Куба, сплошь заставленной пластмассовыми стульями. Для нашей делегации, прибывшей на автобусе, отвели первые пять рядов.

Прямо перед нами было небольшое здание с балконами, а слева и справа по фасаду здания размещались два экрана. Ровно в 21.00 на левый балкон вышли Хуан Альмейда,

Вильма Эспин, Гилермо Гарсиа, Карлос Рафаэль и другие кубинские руководители старшего поколения. На экранах транслировались хроникально-документальные фильмы о победе Кубинской революции. Через како-то время на правый балкон вышел Фидель Кастро, все такой же бодрый и энергичный, в привычной военной форме. Все встали и около пяти минут аплодировали, приветствуя своего вождя.

Подняв руку, выждав секундную паузу, Фидель начал свою речь.

Прежде всего, он остановился на событиях 40-летней давности. 1 января 1959 года диктатура Батисты и феодально-помещичья олигархия были свергнуты. Полной победой увенчалась историческая борьба за завоевание подлинно национальной независимости Кубы от империалистического господства. Сам американский ставленник Батиста бежал в Доминиканскую Республику. Он удрал из страны так же, как сбежал его предшественник диктатор Мачадо, как сбежали многие грабители кубинского народа. Видя неминуемое поражение Батисты, американские правящие круги решили сохранить государственную машину диктатуры, заменив Батисту другой, менее скомпрометированной фигурой. 31 декабря Батиста и американский посол на Кубе Смит подготовили диктатору замену – военную хунту во главе с генералом Кантильо, ранее руководившим операциями по уничтожению повстанцев в провинции Ориенте. «Мы, Повстанческая армия, - резюмировал Фидель, - решительно отвергли предложения о перемирии, заявив, что не может быть никакого перемирия до полной капитуляции батистовских войск».

2 января 1959 года жители Гаваны восторженно встречали прославленные в боях части Повстанческой армии. Ставленники американского империализма позорно бежали. Победила народно-демократическая, антифеодальная, антиимпериалистическая революция. Победила революция трудящихся и для трудящихся.

Далее Фидель кратко обозначил основные вехи революционной борьбы кубинского народа за свою независимость от испанского владычества. Рабство на Кубе существовало до 1878 года. Однако после ликвидации этого позорного явления на Кубе была установлена не менее жестокая форма эксплуатации трудящихся масс – колонат. Фидель Кастро привел в связи с этим слова выдающегося кубинского борца за независимость Хосе Марти, который говорил: «Права берут, а не просят, вырывают, а не выклянчивают».

Соединенные Штаты внимательно следили за развитием событий на Кубе. Когда американцы увидели, что Куба из колонии может стать независимой республикой, именно тогда, говоря словами Фиделя, «со всей обнаженностью проявился звериный нрав американского империализма».

К январю 1899 года Испания лишилась своих господствующих позиций на Кубе, по это не принесло последней желанной свободы и независимости. «Плод созрел и упал в руки Соединенных Штатов», - так прокомментировал судьбу Кубы шестой президент США Джон К. Адамс. В истории Кубы начался новый этап колонизации, зависимое положение было закреплено в конституции страны, навязанной ей Вашингтоном.

«Предстояла еще долгая героическая борьба против американского господства, - продолжал Фидель. – Кубинская революция вызревала в народных

массах, она стала делом самого народа, его коллективным творчеством, его счастьем и надеждой.

События 26 июля 1953 года, кропотливая теоретическая, техническая и тактическая подготовка десантного отряда в Мексике, высадка отряда и трехлетняя героическая борьба партизан в горах Сьерра-Маэстра были охарактеризованы Фиделем как этапы борьбы с диктаторским режимом, которые привели к победе.

Американские правящие круги увидели в лице Кубы и ее революционных преобразованиях «опасный пример», «факел притяжения» для остальных стран Латинской Америки, который мог подорвать американское влияние в Западном полушарии. При поддержке внутренней кубинской контрреволюции США прибегли к диверсиям и поджогам, убийствам и заговорам. В марте 1960 года в гаванском порту был взорван французский корабль «Ля Кубр», на Кубу предпринимаются пиратские воздушные

налеты, Вашингтон прекратил ввоз и переработку нефти и оказал нажим на Революционное правительство Кубы через Организацию американских государств. «В звериной злобе к свободолубивому кубинскому народу, - подчеркнул Фидель, - империалисты США не останавливаются ни перед чем».

17 апреля 1961 года США организовали широкомасштабное вторжение наемников в районе Плайя-Хирон и Плайя-Ларга. Эта авантюра закончилась полным провалом: 1179 наемников были взяты в плен и осуждены.

1962 годы был провозглашен на Кубе «Годом планирования». Однако Дж. Кеннеди, сменивший на посту президента США Д. Эйзенхауэра, не отказался от разрабатываемого плана «Мангуста». Это свидетельствовало о намерении новой американской администрации удушить Кубинскую революцию не только бандами наемников, но и путем вторжения крупных группировок регулярных вооруженных сил США.

Куба была вынуждена принять необходимые меры для укрепления своей обороны. В этой сложной обстановке на помощь Революционной Кубе пришел Советский Союз. Летом 1962 года была достигнута договоренность о размещении на Острове Свободы нескольких десятков баллистических ракет средней дальности, а также соединений и частей других видов и родов войск Вооруженных Сил СССР.

22 октября 1962 года правительство США объявило об установлении блокады Кубы, что означало акт пиратства в открытом море, противоречащий нормам международного права. И хотя блокада сохраняется и по сей день, расчеты американских империалистов задушить Кубинскую революцию военным путем потерпели провал. В обмен на вывод советских ракет Кеннеди заявил, что США не будут нападать на Кубу и будут удерживать от этого своих союзников.

1963 год стал на Кубе «Годом организации». Фидель подробно остановился на развитии народного хозяйства Кубы, успехах и трудностях на этом пути. С гордостью докладчик остановился на росте народного благосостояния, на достижениях Кубы в социальной сфере, в области народного просвещения, медицины, науки и культуры.

Фидель говорил полтора часа, а вся площадь, тысячи людей заворожено слушали его глубокую по смыслу и яркую по содержанию речь.

Закончил свою речь кубинский руководитель как всегда формулой Кубинской революции: «Родина или смерть! Мы победим!»

После этого для гостей, дипломатического корпуса, представителей рабочих, крестьян и интеллигенции страны Президент Кубы дал прием в одном из самых больших ресторанов Вантьяго-де-Куба. Поздоровавшись с каждым из приглашенных, Фидель пригласил всех к накрытым столам.

Здороваясь со мной, Фидель Кастро широко улыбнулся: «О, коронель Ольгин! Си... Си...» Полковник Ольгин – этим именем в честь моего полка, стоявшего в кубинском городе Ольгин, меня часто называют на Кубе. Мы обнялись. Поблагодарив за прибытие, кубинский лидер поинтересовался: «Кеталь? Как дела?»

Через минуту я уже был в дружеских объятиях кубинских военных, с которыми в кризисный 1962 год мы делили и горе, и радость.

Эти минуты дружеского единения людей, вместе выполнявших серьезное, ответственное дело, рисковавших своими жизнями во имя высоких, благородных идеалов, запоминаются на всю жизнь. Встречались настоящие друзья, братья по оружию...

Х Х Х

Никому не дано знать будущее. Что ждет Кубу и ее гордый народ в ближайшем или отдаленном будущем? Сможет ли страна выстоять перед лицом всех мыслимых и немыслимых бед и угроз? Найдет ли ее народ силы остаться верным своим высоким идеалам и принципам?

Кое-кто предрекает неизбежный конец социалистической Кубы, ее «перерождение» и капитуляцию перед Вашингтоном, который уже не одно десятилетие пытается удушить

Остров Свободы своей блокадой. Без помощи и поддержки извне, фактически преданная Россией, Куба, по их мнению, держится лишь на авторитете Фиделя Кастро. Уйдет он – и все рухнет.

Не будем загадывать и предрекать будущее Кубы. Пусть сам народ сделает свой выбор. Хочется только надеяться, что такой выбор ему не будет «подсказан» советниками из Вашингтона. Последствия их «советов» мы у себя в стране до сих пор не можем расхлебать.

А может быть, Куба преподаст урок и нам, россиянам, и всему миру.

Урок любви к своей Родине, урок национальной гордости и чести.

Урок, который мы сегодня в нашей России основательно подзабыли...